

Колдовские миры

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

Азъ есмь СОФЬЯ
Крылья Руси

Колдовские миры

Галина Гончарова

Азъ есмь Софья. Крылья Руси

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Азь есмь Софья. Крылья Руси / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2018 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-099007-8

Мало выиграть войну, надо не проиграть мир. А враги не унимаются. Поднимает голову старый противник – Швеция, плетет интриги французский король, бунтует Польша... И разыгрываются многоходовые комбинации, и в ход идут запрещенные приемы, и на кон ставится память о себе и историческая правда. Но у царевны Софьи нет выбора. А есть знания и желание идти вперед. И еще ей надо воспитать детей. Достойными родителей и дедов, способными принять на свои плечи тяжкую ношу державы... И она сделает все возможное. Будет ли этого достаточно? Она никогда не узнает. Но – сделает.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099007-8

© Гончарова Г. Д., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

1684 год	6
1687 год	21
1688 год	38
1690 год	43
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Галина Гончарова

Азь есмь Софья. Крылья Руси

© Гончарова Г., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Падают мысли, падают листья
Желтым осенним грустным дождем.
Мы не приходим, мы не уходим, мы ничего не ждем.
Кружатся люди, кружатся лица,
В вихре сомнений болит голова,
Правы, неправы, имели право – сила всегда права.
Верят чужие, верят родные,
В страшную сказку ночью поверь.
Мы так решили. Мы заслужили. Мы – приоткрыли дверь.
Кровь проливали. Жизнь отдавали.
Ноги до кости сбивали в пути.
Право и слава. Крест и отравы. Мы – не смогли уйти.

1684 год

Бунт – это всегда неприятно. А если в детских воспоминаниях у тебя числится Фронда – вдвойне противнее. Так что Людовик метался по дворцу, как дикий зверь.

– Твари! Сволочи!

Справедливости ради, христианнейший «король-солнце» употреблял и другие слова, но историки их не сохранили. А зря – фольклор бы сильно обогатился.

– Ваше величество, Ла-Рошель, Ним, Монтобан, Кастр, Юнеза...

В Лувуа полетела чернильница, но канцлер уклонился со сноровкой опытного придворного.

– Пошел вон, ... и ...!

Лувуа послушно вылетел за дверь. Когда король в таком настроении – тут не титулов и земель, головы лишиться можно. И, в общем-то, за дело.

При поддержке Англии (Монмут, сволочь) и Нидерландов (добьют когда-нибудь этого потомка Вилли Оранского от неизвестной шлюхи или нет?!) французские гугеноты встали на дыбы.

Народ это был крепкий, основательный и обиду спускать не склонный. Если бы выбора не было – они бы, конечно, сдались и уехали куда-нибудь, но тут нашла коса на камень.

Просто так с государством бороться нельзя. С государственной машиной должно бороться государство. А в данном случае их вступило в борьбу аж три штуки.

Нидерланды и Англия – даже демонстративно, им Людовик был, что та кость – поперек всего пищеварительного тракта. Дания помогала потихоньку, не светясь, но и не сильно скрываясь. Примерно так же вела себя Испания. Конечно, католицизм там был в приоритете (чтобы не сказать – в авторитете) и Святая Инквизиция немножко не одобряла королевскую инициативу, но дон Хуан – это вам не Карлос, с ним поспорить не удавалось.

Да и вообще – грабить братьев-католиков не комильфо, а французы так гадили испанцам в колониях, что, ей-ей, все христианские чувства испарялись.

Русь?

Ну, про Русь вообще никто не думал. Но Софья денег не жалела. На хорошее-то дело?! На беспорядки у врага?! Тут сколько хочешь отвалишь, лишь бы подольше и побольше!

Тем более что под шумок продолжался отгрыз (а иначе и не скажешь) колоний от Англии. Русь уже ухватила себе Барбадос и вовсю там обустроивалась. Корабли испанские, солдаты – казаки, пушки – русские, кому не нравится – удавиться. Сочетание просто убийственное. Но лучшее оружие и лучшие солдаты гарантировали безопасность земель. А корабли...

Пока у Софьи их было мало. Хватало на торговлю в Архангельске, на патрулирование Финского залива и на Крым.

Строились еще, конечно, строились. Но мало же построить как следует! Надо собрать команду, обучить, экипировать – много чего надо.

Так что деньги вкладывались во флот чуть ли не пятой частью всего бюджета, ну а параллельно финансировались такие хорошие вещи, как бунты и восстания у соседей. Пусть разгребаются у себя и не лезут в чужие дела.

Людовик пока был не в курсе русского участия, но ему и так хватало. Все города, в которых был избыток гугенотов, полыхнули пучком соломы.

Варфоломеевская ночь?!

Да гугеноты за нее с лихвой расплатились только за последний месяц! Католиков сбрасывали со стен, вздевали на вилы, жгли живьем и проделывали еще кучу неаппетитных вещей, которые мог подсказать только воспаленный разум истинного фанатика. И Людовик ничего не мог сделать! Вообще ничего! Только брать каждый город и усмирять. Но...

Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. Кто-то приписывал эту фразу Людовику Двенадцатому, кто-то маршалу Тривульцио, но менее правдивой она от этого не становилась. А вот деньги...

Кольбер мирно почил в своем имении, а где их взять – не сказал. А Лувуа – сволочь, сволочь, сволочь...

Гнев опять взбурлил в крови Людовика.

«Сир, гугенотов осталось мало, все, кто хотел, – стали католиками, вы примете великое решение, за которое вас будут благословлять потомки...»

Г-р-р-р!

– Сир, вы печальны.

Маркиза де Ментенон появилась из-за портьеры. После того как из кабинета вылетел Лувуа, она решила подождать немного и попытать удачи.

Людовик ответил ей взглядом тигра-людоеда, которого повели к зубодеру, но маркизу это не испугало. Как управлять венценосным любовником, она знала. Не учла лишь одного – в какой-то момент любой мужчина становится неуправляемым. И у Людовика этот момент был связан именно с бунтом.

Фронда...

Детские страхи, наложенные на взрослую ярость, – смесь взрывоопасная.

– Могу ли я чем-либо помочь вам, сир?

– Поди прочь! – рыкнул Людовик.

Не помогло. Маркиза, наоборот, прошла внутрь и остановилась совсем рядом с венценосным любовником. Положила ему руку на плечо, вздохнула.

– Сир, это временные трудности. Но подумайте, сколько человек будут счастливы вашим решением? Это богоугодное дело, которое, без сомнения...

– Счастливы?! – вепрем заревел Людовик. – Все будут довольны?! Богоугодное дело?! У меня страна полыхает, а ты...

Маркизе бы промолчать, уйти, скрыться с королевских глаз долой, но...

– Вы же понимаете, что ни одно великое решение не обходится без потрясений. Но народ будет благословлять вас...

А вот этого ей говорить и не стоило. Людовик еще от Лувуа не остыл.

– Маркиза, – вроде бы тихий голос короля заставил мадам де Ментенон съежиться, – я нахожу, что пребывание при дворе плохо влияет на ваш рассудок. А потому – чтобы через час вы уже сидели в карете и та неслась во весь опор к крепости Ниор. Вам все понятно?

Франсуаза задрожала как осиновый лист. Этого короля она еще не знала. Галантный с женщинами, Людовик старался не показывать им свою темную сторону. А она была, еще как была...

– Сир...

– ...и ...и немедленно!!! – взревел его величество.

Мадам Скаррон опрометью вылетела из кабинета. И, кстати, уложились в час. Жить захочешь – еще не так уложишься.

Остаться навсегда в крепости она не планировала, но судьба в лице Великолепной Анжелики решила иначе.

Маркиза де Фонтанж не была особенно умна. Но с мужчинами обращаться умела на уровне инстинкта, а потому, пока Людовик бушевал, она пряталась по углам, не рискуя получить трепку. Она вышла, когда его величество успокоился, – и стала активно интриговать против мадам де Ментенон. Взяла к себе детей Атенаис де Монтеспан, которые сильно порадовались смене строгости на свободный дворцовый режим, окружила любовника заботой – и Людовик решил, что не так уж ему и нужна Франсуаза.

Нет, он ее, может, и вернет, но потом, потом...

Франсуаза сидела в крепости Ниор, Анжелика блистала при дворе, а время шло...

* * *

– Соня, да он страшный! И дурак к тому же!

Боярыня Морозова даже не подняла глаза на сестру, которая расхаживала по комнате.

– Фesia, милая, а где ты среди королей красавцев видела? Все они страшные, потому что столетиями на кухнях женились.

– И дурак, сама же говорила!

– Вот видишь, одно достоинство у него уже есть. А то и несколько.

Софья аккуратно поставила перо в поставец, понимая, что покоя ей не видать, и посмотрела на сестру. М-да...

Красавица. Гладкие волосы, черные, как смоль, толстенная коса, малым не до колен, громадные синие глаза, ресницы на полщеки...

Двадцать лет?

Да что вы! Не больше пятнадцати! А то и меньше!

Если б не фигурка, в определенных местах просто рвущая сарафан, Феодосия казалась бы девочкой, настолько молодо выглядела. Мраморная кожа, легкий румянец на щеках... хороша! Слов нет, насколько она хороша!

Софья невольно смягчилась. При всем своем окаянстве, малышку Фesю она любила. Насколько вообще могла.

– Подумай сама, маленькая. Ты – сестра русского государя, абы за кого замуж не выдашь. А тут – наследник великого курфюрста, прусский герцог. Первый раз уже был женат, что с женщинами делать – знает, дурной болезни нет, лекари проверили, зато есть дочь. Проявишь заботу к малышке...

– Малышке!

– Девочке четыре годика, самое время стать ей мамой, – отрезала Софья. – Настоящей, заботливой. Сможешь это сделать – так тебя и ее отец полюбит, уж поверь моему опыту. А там и своих родишь, ты сможешь.

Фeодосия возмущенно топнула ножкой.

– Соня, я уезжать не хочу.

– Значит, в монастырь.

– Соня!!!

– Фesia, а как ты хотела? – Софья не издевалась над сестрой, она искренне сочувствовала девушке, но что тут можно изменить? В пределах родной страны жениться могут только цари и царевичи, девчонок тут замуж не выдашь. Она – исключение, и то... до сих пор! Всегда и везде! Царевна Софья! Сколь свекровка зубами ни скрипела, а – царевна. – На Руси ты замуж не выйдешь, а тут вполне приличный вариант. Наследник, на пять лет тебя старше, симпатичный, податливый – лепи, что хочешь!

– Да не хочу я!

– А тогда, – жестко отрезала Софья, – тебе следовало родиться в другой семье. Царская кровь накладывает определенные обязательства, ты об этом знала. Всегда знала.

Фeодосия хлюпнула носом, но сестру не разжалобила.

– Соня...

– Собирайся в дорогу, – устало сказала Софья. – И не дури. Влюбить в себя парня ты сможешь, а остальное... пока он будет развлекаться, ты будешь править. И людьми, и страной – справишься. Чего ты хочешь? Великих страстей? Они проходят, остается лишь пепел. Любовных утех? А то ты сама не видишь, чем все эти «любви» кончаются.

– У вас-то с Ваней не так!

– У нас не так, потому что мы с детства вместе, – поправила Соня. – А у тебя будет иначе. И не надо бояться. Ты справишься...

Еще полчаса она уговаривала сестру, а когда за Феодосией закрылась дверь, облегченно перевела дух.

Да уж! Знала бы сестренка, какие интриги плелись ради ее брака!

Как пришлось срочно скомпрометировать Софию Шарлотту Ганноверскую, сколько пришлось заплатить внебрачному сыну Людовика и как капали на мозг мальчишке, внушая, что не все ж его братцу! А ты-то чем хуже? Тем, что родился не от той женщины? Но ты же достоин! Не меньше достоин!¹

В итоге герцог Мэн соблазнил Софию Шарлотту, женился и активно делал ей ребенка. Людовик Четырнадцатый, кстати, против не был. Не один сын, так другой, все равно в его казну прибыток. А прусский курфюрст, то есть его наследник, остался без невесты, да еще с оскорблением от Франции. Вот тут-то и подвернулась Феодосия. И Русь роднится еще с Пруссией, а это хорошо, это очень даже неплохо, это большие перспективы в будущем.

Софья здраво оценивала сестру. Конечно, Феодосия поломается, покапризничает, но согласится и поедет. И постепенно заберет себе всю власть в герцогстве, она сможет. Так вот и будем прирастать, то друзьями, то союзниками...

* * *

– Да, Имре?

Имре Текели посмотрел на жену. За время их брака красота Илоны не увяла. Впрочем, она была из тех женщин, что и в девяносто будут приковывать к себе внимание. Осанка, тяжелые косы, громадные глаза, правильные черты лица – как есть королева.

Да она и в самом деле королева, просто пока не коронована. Ракоци и Зриньи в Венгрии – это как бы не повыше императорского титула.

– Мне пришло письмо от Леопольда.

– Что ему нужно?

– Вену они отбили, у себя порядок хоть как-то навели, и сейчас он хочет пойти против турок. Мы должны беспрепятственно пропустить его войска через свою территорию, помочь оружием, людьми и вообще – принять участие, как его вассалы.

– Но мы не его вассалы!

– Вот это я и отвечу. Пусть пишет Михайле. Если король согласится, так мы поможем...

– Но мы же тоже отпишем?

Имре улыбнулся.

– Разумеется, любовь моя.

Родственные отношения с двумя государями давали надежду. Ввязываться в драку с Турцией? Из-за ненавистного Леопольда?!

Да гори он ясным пламенем! Пусть разбирается сам. К тому же сей император всю жизнь действовал по принципу «дайте попить, а то так кушать хочется, что переночевать негде»...

Нет уж. Пусть разбирается сам. А Венгрия будет держать нейтралитет. Пропустит его войска, но пропустит и турок, и поддерживать никого не будет. Надоели! Людям нужна спокойная жизнь, а не война за чужие интересы! Вот!

¹ Луи-Огюст де Бурбон, герцог Мэнский, внебрачный сын Людовика Четырнадцатого от мадам де Монтеспан. На два года младше Софии Шарлотты, но по тем временам такие мелочи не учитывались (прим. авт.).

* * *

– Дорогая супруга, благодарю вас за дочь.

– Мой возлюбленный муж, я счастлива исполнить свой долг перед вашим родом..

От слов за версту тянуло пафосом, но куда деваться?

Испания...

Его высочество дон Хуан благодарил свою жену за подаренного ребенка именно так. И за первого, и за второго, и за дочку... Да, за несколько лет Мария родила ему троих детей. Теперь можно и отдохнуть. Сын-наследник, сын – запасной и дочка на закуску. Теперь если рожать, то года через два, чтобы тело успело отдохнуть.

Все-таки беременность, даже если ее легко переношишь, плохо сказывается на организме. Она его изнашивает. И сейчас измученная Мария просто выполняла ритуал. Она знала, что после мужа в комнате окажутся Карлос и его супруга – Мария-Луиза. И та будет смотреть ненавидящими глазами.

Увы...

Дон Хуан в свои года был куда как больше мужчиной, чем его младший брат. Мария знала достоверно, что ни один половой акт с участием Карлоса не был доведен до конца, хотя супруга старалась! Искренне старалась!

А толку? Карлос физически не мог ничего, хоть ему всю «Камасутру» по листику скорми, как цинично выразилась сестрица Соня!

Сделать ребенка от кого-то еще у ее величества возможности тоже не было, разве что Хуан постарался бы, но дражайший супруг и в мыслях не имел наставлять рога нежно любимому и всячески опекаемому братику. Что вы, как можно-с?!

Да и сама Мария позаботилась.

Какой лучший способ от загулов супруга? Да сделай ты так, чтобы у него на других сил не осталось! Не умеешь? Учись! И сама удовольствие получишь, и насчет мужа спокойна будешь. Скандалы – это не метод, любовью надо, и только любовью! Лаской и нежностью.

Карлос старшую сестру (пусть Мария была примерно его ровесницей, но замужем за старшим братом – значит, старшая сестра) поцеловал в щеку. И подарил гарнитур с рубинами.

Мария поблагодарила вполне искренне.

Она привязалась к этому уродцу. Карлос, несмотря на все его недостатки, то есть дурную кровь, беду с разумом и телом и дворцовое воспитание (только сейчас Мария понимала, что сделала для нее сестра и как уродуют во дворцах тела и души власть имущих), был милым и добрым парнем. Даже скорее мальчиком. Ума-то Бог недодал...

Глуп он не был, но наивен – да! Мария иногда поражалась, какими заковырыстыми путями идут мысли в этой несчастной голове.

– Милая сестрица...

Протокольные фразы – и искренняя приязнь в глазах, на которую она и отвечала таким же теплом, заботой, участием. Не жалостью, вот жалости у нее не было, недаром говорят, что дети и животные не обманываются. Карлос чувствовал отношение женщины к себе и в ответ дарил Марии искреннюю симпатию. Дон Хуан видел, как жена относится к его несчастному братишке, без брезгливости, без отвращения, с сестринской заботой – так сможет не всякая женщина, и искренне уважал Марию за эти чувства.

– Ваше величество...

Мария отвечала вежливыми заковырыстыми фразами, с трудом (после родов-то!) подбирая слова, но в ее глазах было настоящее тепло, которого так мало получал бедный испанский мальчик. И Карлос улыбался в ответ. А вот Мария-Луиза так и сожрала бы!

Ну и шут с ней, пусть злобится. Главное, чтобы не укусила.

* * *

– Что случилось?

Павел Мельин смотрел на боцмана, отмечая и каменное выражение лица, и злые глаза, и стиснутые губы. Ох, непростое что-то случилось. Но что?

Петр Игреньев сплюнул за борт, избегая попасть на чисто выскобленную палубу, – за такое могли и корабль драить заставить от носа до кормы. Боцман ты там, не боцман...

– Да юнга этот...

– Меншиков? – тут же вспомнил Павел.

– Он, стервец!

– Что натворил этот щенок?

Неприязнь Павла была оправданна. Ну не любят люди «протекционистов». Нигде и ни в какое время!

А Меншиков попал на флагман именно что по протекции. Выгнанный за воровство из царевичевой школы, он, вообще-то, должен был отправиться куда-нибудь на галеру на веки вечные – пусть не гребцом, но юнгой там немногим лучше. Вместо этого царевна Софья лично попросила Павла приглядеть за парнем. Мол, коли исправится – хорошо, ну а если нет – пусть суд ваш будет короток и справедлив, слова не скажу.

Уж чем этот сопляк заинтересовал царевну?

Но Мельин честно приглядывал за мальчишкой и друга приставил. Ну и что? Трех месяцев не прошло...

– Ворует он. У команды крысятничает...

– Не оговор?

– Нет. У Мишки браслет пропал, с боя взятый, уж он убивался. Деньги пропадали, а тут...

Павел кивнул.

Ну да, деньги – дело такое, на них же не напишешь, где чьи. А вот браслет – вещь памятная, трофейная...

Турки последнее время сторожились и старались не задевать русских, но стычки иногда происходили. И трофеи, конечно, были. Поль у команды по карманам не шарил, справедливо рассудив, что от медяков казна не обеднеет, а матросам приятно будет. Что с боя взято, то свято. Ну и...

Браслет и браслет, что в этом такого? В браслете-то ничего, но в его пропаже!

Петр, не поднимая шума, и принялся обыскивать корабль, рассудив, что посреди моря спрятать уворованное особенно некуда, а умному человеку все тайнички завсегда откроются.

И – нашел в небольшом тайничке. Тот, кто его оборудовал, явно был новичком, не подумав, что свой-то корабль и капитан и боцман до досточки знают. А как иначе? Ты ж ему жизнь доверяешь, хоть в шторм, хоть в бой, – и платить обязан любовью и верностью. Пусть береговые смеются, но для моряка корабль – это как жена, любовь, дом...

Одним словом, боцман проследил за тайничком – и увидел Меншикова. А в тайнике добавилось монет.

Так что делать-то с мерзавцем?

А что тут сделаешь? Снисходительность проявлять – только мерзавцев плодить. А потому Алексашка был выпорот кнутом без всякой жалости и выкинут в лодку. А ту оттолкнули от корабля.

Коли верно, что оно не тонет, – может, и выплывет. Да и не звери моряки, бурдюк с водой и несколько сухарей негодяю оставили.

Скатертью дорога, а на Русь не возвращайся. Кто увидит – ноги выдернет.

* * *

– Чума! Жуан, мне страшно!

– Белла, нам надо уехать.

Иван смотрел серьезно и строго. Принцесса всхлипнула, вытерла слезы и посмотрела на почти мужа.

– Куда, Жуан?

– Из города – обязательно. И подальше, пока эпидемия не пройдет.

– Почему же?

– Потому что, если мы тут останемся, шанс заболеть очень велик. Я не хочу рисковать твоей жизнью, ты мне слишком дорога.

– Ты знаешь, отчего болеют чумой?

Педру в этот раз не подслушивал, просто шел к дочери. Но после слов Ивана решил прояснить ситуацию. Чума набирала размах, вспыхивая пожарами по городам и деревням, косила косой людей, заставляя церковников молиться за грешные души, – напрасно! Все было напрасно. Но если на Руси знают, как это остановить...

– Знаю. На Руси то давно известно.

– И отчего же?

Тут уж не вмешаться в разговор молодых было невозможно, но Иван смущаться и не подумал. Личный духовник его величества, отец Фернанду², смотрел строго, только Ивана взглядами было не напугать.

– От грязи и крыс, святой отец.

– Вот как? Расскажи подробнее, сын мой.

Иван согласно кивнул, предлагая слушателям устроиться поудобнее. Вино, фрукты...

Педру был весьма и весьма неглуп, поэтому и духовника он себе подобрал соответствующего. Не архиепископа, не кардинала, а просто обычного монаха. Не карьериста, но очень умного и образованного человека. Верующего истово, но с широким кругозором. А такие люди Ване всегда нравились.

Бог есть? Безусловно! И спасибо ему за все! Но главное, что он сделал для человека, – это дал ему жизнь и разум. А коли у тебя не хватает ума применить второе, чтобы сберечь первое, – кто ж тебе виноват? Даже родители тебя всю жизнь за ручку не проводят.

А потому Иван и рассказал, как мог.

Чума? Крысы, насекомые, грязь, нечистоты, плохая вода, воздушно-капельный путь передачи заразы в том числе...

Методы борьбы?

Маски, подобные лекарским, – безусловно. Костюм чумного доктора – идея неплохая. Но и остальное должно соответствовать. Не построишь корабль с помощью одного топора, так и тут – от одного метода много пользы не будет, комплекс нужен. Бани, омовения, обязательное кипячение воды, изведение крыс, вшей, блох...

Ваня говорил долго. И когда закончил, удостоился пристального взгляда монаха.

– Так делают на Руси?

– Нам легче. У нас, почитай, каждую зиму морозы, вот болезнь и не выживает. А у вас ей самое раздолье. Не говорю, что выживут все, но если делать, как я рассказал, – число погибших уменьшится.

– М-да. – Педру был задумчив. – Это большие деньги, но... я найду их. А вот вы...

– Отошлете Беллу из города? Я могу остаться, но ее жизнью я рисковать не согласен.

² Автор не уверен, что это был именно отец Фернанду, но без личного духовника тогда дело не обходилось (*прим. авт.*).

Педру усмехнулся.

– Отошлю. В удаленный замок в горах. А ты, Жуан, оставайся, если хочешь. Думаю, твои советы будут ценны...

Иван поклонился. Конечно, за себя он тоже боялся. Оспа – дело другое, от нее он был привит. А вот чума... Но семи смертям не бывать, а одной не миновать. Белла должна быть в безопасности, а он – мужчина. Он справится.

Педру, глядевший на будущего зятя, одобрительно покачал головой. А ведь молодец парень. Неглуп, нетруслив... м-да. Королевская кровь.

* * *

Контроль – это хорошо. Но вот полноценным его сделать никогда еще не удавалось.

А потому...

«Мой любезный дядюшка!»

Перо летало по бумаге, времени у женщины было очень мало, а написать требовалось так, чтобы было понятно, но не давало точных указаний на адресата или отправителя, буде оно попадет не в те руки.

«Спешу сообщить, что на этот раз двор порадовался дочери Короля морей. А король не может порадовать свою жену тем же сокровищем. Если все продолжится так же, брак их останется бесплоден. Кого же назначит наследником Карлос?»

У небезызвестного Вам князя есть еще и сыновья, и король задумывается... Задумайтесь над этим и Вы.

С молитвой о Вашем здоровье.

Преданная Вам племянница».

Письмо, больше похожее на записочку, сворачивается в тугую трубочку и прячется в рукав. Потом его передадут одной из свитских дам – и оно полетит в la belle France³, где его и прочтут. И сделают выводы!

А вот последствия...

Пишущая отчетливо осознает, что эти строки могут грозить смертью женщине, которой она недавно желала счастья в связи с рождением дочери. Ну так что же? Почему эта стерва уже извела радость материнства трижды, а она?..

Неважно, это неважно! Какое бы решение ни принял его величество, женщину это не касается. Она просто подсказывает и направляет. Отчитывается. А остальное от нее не зависит!

* * *

– Алеша, поздравляю! Уля, милая, ты чудо! Сын – просто богатырь!

Ульрика ответила улыбкой. Да уж, если бы сейчас ей дали выбор – выходить замуж в Швецию или на Русь, – она бы и минуты не колебалась. И письма, которые она писала брату, были искренне пронизаны счастьем.

Муж, любимый и любящий, замечательные дети, большая семья, в которой никто не держит в кармане нож, в которой приняли ее как родную, нашли ее собственное место, на котором она – именно она! – незаменима, разве этого мало?

Да это безумно много!

– Сонечка, а от вас мы еще детей дождемся?

³ Прекрасную Францию (прим. авт.).

Софья пожала плечами.

– Как получится.

Не то чтобы она специально избегала зачатия, но после дочери пока не беременела. И не жалела об этом. Дела отнимали столько времени... Они втроем, с Алексеем и Иваном, едва тянули этот неподъемный воз! И не факт, что с течением времени станет легче.

Хорошо хоть Уля умничка, отлично включилась в цепочку и воспитывает всех детей в нужном ключе. В результате Александр, старший сын Алексея, был твердо уверен, что ему надо учиться и учиться, чтобы стать хорошим правителем. У Ангелины проявились незаурядные актерские способности – хитрая лисичка могла очаровать кого угодно.

Софья считала, что это полезно. Выйдет замуж – так особо оценит. Второй сын Алексея, Михаил, чуть ли не с рождения тянулся к кораблям и всему водоплавающему. Вот пройдет царевичеву школу – и добро пожаловать на флот.

Да и ее собственные дети не отставали. Правда, склонностей к войне не было ни у одного, но вот математические способности мальчишки унаследовали в полном объеме, уже сейчас решая в уме задачи и перемножая трехзначные числа. Ну и ладненько, будет кому Ваню заменить, когда тот на покой уйдет.

А вот кто заменит ее?

Пока в молодой поросли Софья не видела никого подходящего. Тут нужен особый склад ума, сочетание холодной расчетливости с жестокостью, при этом человек должен применять оба качества без наслаждения, просто по необходимости и математическими способностями. Плюс импровизация...

Но время еще есть.

Может, что-то подобное получится из Ангелины. Или из ее собственной дочери, которая уже сейчас обожает тавлеи, или из этого малыша...

– Как назовете?

– Дмитрием, – пожал плечами Алексей.

Ну, почему бы и не Дмитрием. Хорошее имя, царское. Были уже на Руси такие царевичи...

* * *

– В монастырь? Женский? Банщиком?

Софья не собиралась церемониться с братом. Федор надулся, как крыс на рис.

– Соня, твои шутки неуместны.

– Федя, неуместно твое поведение. Какой монастырь, когда у тебя ребенок? Ты на кого его оставишь?

– На тебя. Соня, милая, ты же понимаешь, что мне жизнь не в радость...

– Да мало ли кому она не куда! Живут же люди, а ты с жиру бесишься!

– Соня...

Протопоп Аввакум вошел в комнату как раз вовремя, помешав сестрице оторвать любезному братику голову. Ну надо же – монастырь! Вместо работы на благо общества и лично Руси! Мало ли у кого жена умирает?! Так все ж потом живут! И ничего, нормально! Работают, детей растят... А этот – то в алкоголизм, то еще куда. Что за наглость?!

– Сонечка, отпусти его.

Аввакум был неотразимо убедителен. Но не для царевны.

– Нас не так много, чтобы принцами разбрасываться. Дети когда еще в возраст войдут, а Федя уже сейчас помочь может.

– Пусть примет послушание, а там и постриг. Тяжело ему в миру, я же вижу...

– А кому сейчас легко, отче? – Софья топнула ножкой в дорогой туфельке. – Федя хоть звезд с неба и не хватает, а все ж его присутствие в тех или иных местах полезно!

– У него другое призвание...

– У всей царской семьи одно призвание – родине служить. Иного и быть не может.

Софья уперлась бараном, Аввакум настаивал, Федя просил... Одним словом, через два часа обе договаривающиеся стороны пришли к консенсусу. Еще десять лет Федя добросовестно пашет на благо родины и брата. Потом – хоть в монастырь, хоть куда. Сейчас ему тоже никто не мешает готовиться к постригу, но так, чтобы это делу не мешало. Лучше бы, конечно, еще раз жениться и детей нарожать, но тут Софья настаивать не будет. Имеющегося воспитаем, а там – кто знает? Может, еще и передумаешь?

Федор передумывать не собирался, но об этом собиралась позаботиться Софья. Надо бы наведаться в школу, есть там такая Марфуша Апраксина. Красавица, аж глаз не отвести. Попала к царевне после смерти отца, семья бедная, в долгах как в шелках, но боярыня ведь, не кошка безродная! В жены царевичу сгодится, ежели что...

Вот и подумаем, как их правильно подвести друг к другу. Девочка хорошая, умненькая, правильная... хватит горевать по почившей китайке! По ней даже родной брат не горюет, а муж никак в себя прийти не может!

Софья ее, вообще-то, хотела выдать замуж за другого человека, но чего не сделаешь для родного брата?

* * *

Мария кормила дочь. Сыновья играли у окна. Фрейлины были безжалостно выставлены за дверь. Ворчите, не ворчите – мне все равно. Пусть здесь Испания, но я – русская! И попробуйте только мне возразить! Мигом со двора выгоню!

А потому дети проводят много времени при матери, которая учит их говорить, в том числе и по-русски, рассказывает сказки своей родины, поет песни, учит играм...

Дверь скрипнула.

– Дорогой!

Мария улыбнулась супругу. Дон Хуан выглядел уставшим и осунувшимся – и она еще раз подумала, что правильно нарожала детей. Так вот стукнет супруга инфаркт, а у нее наследники останутся. Законные – и единственные из Габсбургов, кто будет иметь права на престол после смерти Карлоса.

– Налить тебе вина?

– Корми ребенка, я сам.

Супруг удобно разместился в кресле, потянулся...

– Куда бы сбежать от этих государственных дел?

– У меня так брат всегда говорит, – улыбнулась Мария, – так ведь все равно не сбежите, потому как это – ваш долг.

– Да, ему надо написать...

Разговор шел своим чередом. Русь, политика, Франция, война с турками, Испания, колонии...

Потом муж ушел к себе, а она осталась. Все равно супружеские отношения им пока не грозили – слишком мало времени прошло после родов.

Дети играли у окна, смеялись, шутили, она уже собиралась спать...

Мария так и не поняла, в какой момент насторожилась. Но... будь она кошкой – у нее бы вся шерсть распушилась и спина выгнулась. Потом уже, вспоминая, она поняла – шаги. Ее насторожили именно шаги. Быстрые, уверенные, ничего общего с тем, как ходят во дворцах. Тем более – на женской половине дворца.

Мария схватила детей, быстро впихнула их в гардеробную, сунула старшему дочку.
– Что бы ни было – не вылезайте, пока я вас не позову. Или отец. Поняли?

Во дворцах взрослеют быстро. Мальчишки кивнули, прячась в платьях матери. Они не выйдут, а она...

«Господи, помоги!»

Не за себя прошу, но, переступив через мой труп, они пройдут к моим детям...

Только после моей смерти!»

За дверью послышался лязг металла... охрана дорого продавала свою жизнь. Мария рывком метнулась по комнате. Когда-то ее учили защищаться тем, что есть под рукой. И умирать, как овца на бойне, она не собиралась. Сверкнул нож, распарывая неудобные юбки, остатки ужина еще не унесли – и слава богу!

Первый вошедший поскользнулся на жирной подливке и умело разложенных фруктах – и достаточно неудачно упал навзничь. Сейчас бы и добить, но...

Шестеро...

Мария трезво оценивала свои шансы. Ей не справиться. Да, один временно выбыл из строя. Она хотя бы выиграет время, потому что ее смерть – это и гибель детей. Но если она протянет время – может прийти помощь. Главное – поднять шум, позвать на помощь. Это нападающие надеются убить ее и уйти. Она уйти не надеется. Ей – некуда.

За своего ребенка любая женщина кинется зверем. Мария же, загнанная в угол, была вдвойне опасна.

Лица мужчин были закрыты масками, в руках – кинжалы. Это хорошо, значит, им надо подойти поближе, а она должна держать дистанцию. И еще хорошо, что в ее комнате было оружие. Хоть какое-то...

Грохнул пистоль.

Пятеро.

И еще один выстрел. Вот сейчас Мария и оценила подарок сестры. Спасибо тебе, мастер, придумавший многоствольный пистоль! Жаль, что стволов всего четыре, а нападающих шесть. Жаль, что давно не практиковалась, говорила же Соня...

Спасибо тебе, сестрица...

И еще выстрел.

Трое оставшихся бросились вперед – и четвертый выстрел пропал втуне. Мария отбросила пистоль и выхватила саблю. Небольшую, как раз по руке, богато изукрашенную, выглядящую игрушкой. Но это вполне боевое оружие...

В головы нападающим полетел тяжелый серебряный канделябр. Свечи в полете тоже вылетели, сбивая бросок. Все-таки горящая свеча – это всегда неприятно, особенно когда она летит тебе в голову. И второй туда же!

Еще минута выигрыша.

Мария прекрасно понимала, что не справится. Погибнет наверняка. Но пока она жива – к ее детям не подойдет ни одна тварь!

Впрочем, вид принцессы в одном корсете и чулках на миг ошеломил нападающих – и Марии удалось нанести удар. А вот потом удача ее покинула.

Звякнули, сталкиваясь, клинки. Раз, другой... правое плечо пронзила резкая боль, рука повисла плетью. Мария упала на колени. Звякнула выпущенная из рук сабля.

– Проклинаю!

Сверкнула шпага, но женщина уклонилась.

Рана в плечо чертовски болезненна, но сознания она не лишает. А благородства в женщине отродясь не водилось. Ты слабее мужчины? Ну так и будь слабой! Умоляй, плачь, лишь бы тебя подпустили поближе. А там – вцепляйся врагу в горло хоть зубами, все средства хороши для победы.

Блеснул кинжал, пущенный в полет умелой рукой. Неважно, что левой, она все равно попала, хотя и не туда, куда целилась. Не в живот. В пах. Впрочем, врагу от этого легче не стало. И тут везение нападающих закончилось.

Грянули выстрелы. Мария упала навзничь, понимая, что пуля – дура, а на пороге комнаты возникла ее личная охрана. Девушки от царевны Софьи, в количестве двух штук.

– Государыня? Вы как?

Успели! Помощь – пришла!

– Ранена, – огрызнулась Мария. – Помогите подняться и проверьте, все ли сдохли.

Этим девушки и занялись. Одна подняла Марию и потащила почти волоком на кровать.

– Сейчас перевяжу плечо, а чуть позже обработаем.

Вторая прошлась по комнате. Добавила одному подобранным клинком в горло, а второму – рукоятью в голову. Допросить сгодится.

– Отличная работа, государыня.

Мария улыбнулась. Приятно все-таки. Она ничего не забыла из полученных уроков. А как ругалась, как возмущалась... зачем это может понадобиться, на нее никто покушаться не будет... Как насмешливо улыбалась тогда сестра.

Как же! Не будут!

Не зарекайся, вот и не будут!

– Мария, ты жива?!

О, а вот и любящий супруг. И тоже весь в крови.

– Да.

Дон Хуан подошел к кровати – и аж переменялся в лице.

– Ты ранена! Боже!

– Все в порядке, девочки окажут мне помощь, – успокоила супруга Мария. – Ты не ранен?

– Нет.

– А меня вот едва не достали. Кстати... дети, вылезайте!

Выгонит она к чертовой матери всех горничных, в гардеробной – хоть брюкву сажай! И где они так перемазаться успели? Зато вылезли целы-невредимы, только грязные по уши.

– Ну и поросята! Отмывать вас...

Хуан заулыбался, понимая, что если супруга шутит, то жить точно будет.

– Кто на нас покушался?

– А вот это нам предстоит узнать. У тебя все мертвы?

– Государыня одного ранила. Может, и не сразу сдохнет, в Турции такие годами живут, – вмешалась одна из девушек. Одернуть ее никто и не подумал – форс-мажор.

Король морей оценил рану и уважительно покачал головой.

– Дорогая, напомни мне тебя не сердить.

– Я в живот целилась, просто промахнулась, – обиделась Мария.

Но на душе у нее было спокойно. Она жива, муж жив, дети целы... ну а кто покушался и кто за этим стоит...

Разберемся и ноги переломаем, чтобы стоять было не на чем! А лучше – и некому!

* * *

– Кто посмел?! Какая...?!

Гнев Алексея был непритворным. И неудивительно. Если бы Мария с детьми сейчас погибли, дело обернулось бы куда как невесело для Руси. Вот считайте. Дон Хуану сейчас пятьдесят пять годочков. Очень почтенный возраст для этого времени-места, недаром Мария так с детьми торопилась. Если сейчас что с ней случается – не факт, что и с благородным доном

все будет в порядке. И дети... в чьи руки они попадут? Кто вырастит из них свое подобие? Карлос, который до двадцати лет и читать-то не умел?

Вот спасибо!

– Я выясню.

Софья тоже была зла.

– Выясни. – Алексей сверкал глазами. – И чтобы эта тварь своими кишками подавилась!

– Подавится.

Когда Соня говорила таким тоном, ее начинали бояться даже безмозглые мухи. Потому что она была убийственно серьезна. До убийства. Сегодня Маша, завтра Ваня, послезавтра – кто?!

Нет уж, вы у меня на всю жизнь запомните, европейские, что лучший способ самоубийства – это посягнуть на одного из членов русской царской фамилии. Вас от слова «русские» еще корчить и крючить будет! Вы еще сами с доносами прибегать будете, ежели кто худое на русского замыслит. Потому что каждый живущий на Руси должен знать: за ним стоит *государство*. Его обида – это обида государства. Покусился на русского – получи. С избытком.

Вот она и отсыплет. Надо начинать вырабатывать условный рефлекс у всяких подлецов, надо! Здесь – и сейчас!

– Маша прислала письмо. И приложила копию допроса убийц.

– А скольких удалось допросить?

– Двоих. Одного не добила Мария, второго – ее супруг.

– Больше взять не могли?

– Алешка, окстись! Машка одна оказалась против шести! Хорошо хоть отбилась!

– Да уж мне не надо рассказывать, на что твои девочки способны.

Софья скромно потупилась. А что? Женщина, конечно, пол слабый, но недаром же д'Артаньян от миледи Винтер без штанов сбежал? Когда разозлил хрупкую женщину?⁴

И не подумал, что он там герой, гвардеец и прочее, – шкура бы уцелела!

То же самое и здесь. Если умеешь защищаться... Почему чаще всего проигрывает человек, на которого напали? Софья это из опыта двадцать первого века знала. У порядочного человека как стопор – он не может причинить зло другим. А вот у отморозка такого нет. Поэтому своих людей Софья учила бить первыми. Потом грехи отмолим!

Лезет к тебе отморозок – пни его так, чтобы коленную чашечку из титанового сплава заказывал! Ступню шпилькой пробей и скажи, что случайно каблуком наступила! Глаза выдави! Да много чего! А не хлопай ресничками, ожидая, пока тебя изнасилуют или искалечат!

– Алешка, я узнаю – кто...

– Заранее даю добро на самый жесткий ответ.

Софья кивнула. Хотя пока не могла ничего толкового выудить из протоколов допросов. Мало ли что покушались именно эти! Важно, не в чьей руке кинжал, а кто заказал и оплатил. А этого испанец и сам не знал.

Придется отправлять туда кого-нибудь ради дознания (если негодяев еще не сожгут к тому времени), раскапывать самые важные документы – банковские, беседовать с людьми...

Но она дознается – кто. И этот кто-то заплачет кровью.

* * *

– Ваше величество, спешу сообщить, что ваша супруга в тягости.

Его величество Карл Одиннадцатый расцвел улыбкой. Стянул с руки дорогое кольцо и протянул лекарю.

⁴ В платье служанки Кэти (прим. авт.).

– Отличная новость. Просто отличная.

– Наследник появится через семь месяцев, если Бог будет милостив.

– Вы же будете наблюдать королеву, Густав?

– Как прикажет ваше величество.

– Считайте, что я уже приказал.

Осталось обрадовать мать этим известием. Впрочем, Гедвига Элеонора не обрадовалась.

– И пяти лет не прошло! Посмотрим, что она еще выродит!

– Мама!

– Я не доверяю этой английской девке!

– Это моя жена. И она ждет моего ребенка, – чуть надавил голосом Карл.

Гедвига тут же перестроилась и сахарно заулыбалась.

– Разумеется, мальчик мой. И мы все сделаем, чтобы он появился на свет крепким и здоровым! Такая радость! Тем более что у Анны до сей поры только дочки рождались...

– И у Якова – тоже. Хотя с молодой женой...

– Кто бы признал эту безродную девку!

– Мама!

Спору нет, Гедвига была мила, умна и очаровательна, но... если человек ей не нравился, она упорно красила его в самые черные тона. А невестка ей решительно не нравилась.

– Между прочим, у русского царя уже трое!

– И что?

– Если бы ты женился на Ульрике Элеоноре...

– Она бы не нравилась тебе точно так же. – Карл рассмеялся и приобнял мать за плечи. – Мама, милая, я все понимаю. Ты у меня самая лучшая, но иногда...

Гедвига покачала головой. Да, они с сыном отлично понимали друг друга. И потому...

– Русские должны нам за все заплатить!

– Обязаны. Но пока еще рано. Еще года три придется ждать, не меньше.

О, три года Гедвига готова была подождать. Она бы и больше подождала, лишь бы сквитаться с обидчиками.

Русь!

Эта страна становилась для женщины просто символом ненависти. Невеста сына, которая вышла замуж на Русь и сейчас плодovита в браке, немалый кусок территории, союз с Данией... Тут было за что ненавидеть.

И она отомстит! Страшно отомстит! Они вернут себе все утраченное, а русские еще горько пожалеют о своей наглости.

* * *

– В чем дело, Аглая?

Когда государыня Софья говорила таким тоном, девочки искренне старались слиться со стеной. На них не ругались, не повышали голоса, не бранились. Но вот это осознание, что ты не оправдала оказанного тебе доверия... Вот что жгло хуже крапивы!

– Государыня, я виновата...

– Шан уже мертва. Неужели так сложно вытеснить ее из человеческой памяти?

– Да, государыня.

Аглая могла бы сказать многое. И что она, хоть и подхватила Федора на взлете отчаяния, все равно осталась лишь заменой, и что хуже нет – сражаться с памятью умершей, потому что мертвый всегда идеален, и что...

Могла бы.

Не сказала, потому что Софья и сама это понимала. Читала сейчас по ее лицу – и задумчиво перебирала пальцами косу.

– Твой вердикт?

– Отпустите его, государыня. Благочестивый отшельник или монах будет вам более полезен, чем достаточно бездарный управитель на месте.

Софья покачала головой.

– Настолько бездарный?

Ну да, Федя и тяготел больше то к науке, то к религии... вот Ваня, в отличие от брата, весь был в учебе, а Федя... слишком он был отвлечен от мира, чтобы копаться в его делах – и не всегда чистыми руками.

– Ему это просто не дано. Он хороший, но слабый. Вот как проверяющий – может быть, но управлять ему сложно. Он слишком добрый и мягкий для этого.

Ругать девушку не стоило, Софья всегда требовала от своих людей честности. Не нравится – не кушай, но прятать голову в песок и утверждать, что этот человек самый лучший, просто потому, что это – он? Нет уж, не стоит.

– А его сын? Из маленького Юрия получится что-то хорошее?

– Сложно сказать, государыня. Задатки пока неплохие. Он хорошо учится, интересуется всем новым, но возраст мал.

– Подлость в любом возрасте видна.

– Это – нет. Не злой, не подлый. Но вот что выйдет?

– Как воспитывать будем. Спасибо, Глашенька.

Девушка улыбнулась.

– Рада служить, государыня.

– Если Федя уйдет в монастырь, как хочет, тебе нужно будет новое дело.

– Все в вашей власти, государыня.

– Не устала пока? От моей-то работы?

– Бог даст, еще лет пять бы покрутиться, а потом и замуж можно, – лукаво улыбнулась девушка.

– Покрутишься, – задумчиво пообещала Софья. – Работы у нас много.

Аглая бросила взгляд на стол царевны, где лежала и ее докладная записка по Федору. Ну и по Юрию Федоровичу. Что нужно, что не нужно, что любят, к чему тянутся...

– Разрешите идти, государыня?

– Пока – разрешаю...

Познакомить Федора с первой московской красавицей Софья все равно собиралась. Так, на всякий случай. Получится – хорошо. Нет?

Ну... пусть идет Богу служить. Здесь и сейчас – это и неплохо.

1687 год

Шотландия оделась в траур.

Умирал его величество Яков Стюарт. От чего? Якобы от водянки, а уж что там и как точно? Бог знает... Может быть, сказалось бегство из Англии, может, то, что мужчина «жег свою свечу с двух концов», а может, и отравили чем? Правды было не доискаться. Яков умирал, не оставляя законного наследника. Дочери были, а вот сына, которому можно бы оставить трон...⁵

В трауре была его супруга, в девичестве леди Винтер, а ныне ее величество Анна Стюарт. В трауре были его дочери – Мария и Анна.

Справедливости ради, были и довольные. Например, Джеймс Монмут, которому Яков оставался бельмом на глазу. Протестанты, которым было все равно, кто из них двоих померет – Яков ли, Джеймс ли, они любому обрадуются.

А вот Шотландия... Шотландии грозил клановый передел. Или – беспредел. Приглашать кого-то со стороны на трон Стюартов шотландцы не хотели. И государство не то, и силы не те, и вообще... Вот если бы кто пришел из потомков Якова, отвоевал Англию, опять соединил ее с Шотландией...

А кто?

Шведам не до того. Датчане? Георг? Тот сам по себе ни на что не способен, разве что брат займется. Но Кристиан вовсе не хотел воевать за чужие интересы. Ему приятнее было отгрызать себе кусочки от английских колоний и богатеть на поставках оружия и продовольствия. Пригласят – придем. А так... Лезть в чужую свару?

Вот еще не хватало.

Анна де Бейль скользнула в спальню к мужу, выставила за дверь доктора, присела рядом на кровать... М-да, как меняются люди. Яков сгорел буквально в полгода от какой-то внутренней хвори. Ничего не мог есть, иссыхал на глазах, не удерживал в себе даже вино...

Но в ответ на нежное пожатие руки муж открыл глаза.

– Энни...

– Я здесь, любовь моя.

Улыбка леди Винтер была очаровательной. Никто бы и не догадался, что под сердцем она носит ребенка, о котором не собирается говорить даже умирающему супругу. Под местными платьями – хоть поросенка прячь, не то что месячную беременность.

– Я скоро умру.

– Ты поправишься. Обязательно поправишься.

Анна не верила в это, но не говорить же умирающему правду? Ты умрешь, а я уеду. И увезу с собой кровь Стюартов. Куда?

А посмотрим, куда будет выгоднее. Здесь я точно не останусь, здесь у меня нет таких союзников. Меня просто уничтожат, а ребенка воспитают под свой клан. А потому... смотря что прикажет государыня Софья. Франция?

Возможно.

Или Испания, или... Короче, помер бы ты быстрее, муженек, чтобы я сбежать успела.

Она и не сказала. Слушала Якова, который, искренне любя молодую жену, инструктировал ее, куда поехать, на кого можно положиться, на кого нельзя, кто поможет с деньгами, на какие имена и в каких банках открыты для нее счета... Она это уже знала. Но почему бы и не послушать о хорошем?

⁵ В реальной истории это произошло в 1701 году во Франции, но начиная уже с 1690 года Яков не играл особой роли в жизни Англии. Вильгельм Оранский, которого пригласили на замену, не давал (*прим. авт.*).

А вот про ребенка она не скажет. Благо муж с ней давно не спит. Да-да. Именно так.
А кто спит?

Ну, клан Стюартов большой. Подобрать подходящего парня, похожего внешне на короля, оказалось несложно. И бедняга даже толком не понял, с кем встречался. Он-то, наивный горец, думал, что Мэри – служанка. Переспали пару раз, да и уехал себе. Но ей хватило.

Леди Винтер не затевалась бы с ребенком вообще, но царевна прислала письмо. А раз так...

Поиграем.

– Ты поправишься, любовь моя. Я так хочу, чтобы ты выздоровел, хочу от тебя сына...

* * *

– Вот оно как? – недобрая ухмылка озарила лицо Алексея. – Сонь, ты точно уверена?

– Головой отвечаю, – сестра скалила зубы. – Думаешь, легко было найти концы?

– Думаю, что тяжело.

– Потому и искали чуть не два года. Но покушений на свою семью я спускать не собираюсь.

А жена регента Испании была ее сестрой. Этого достаточно.

Да, наконец-то запутанная цепочка размоталась до конца. И оказалось... На одном конце была ее величество испанская королева Мария-Луиза. На другом – будущий Людовик Пятнадцатый, ныне Великий дофин.

Мало кто знал, но еще до замужества Мария-Луиза обожала своего кузена. Да и он тоже был не прочь. До главного у них не дошло, но...

Сказать, что молодая принцесса была недовольна своим замужеством? Это все равно что промолчать! Сплошные ограничения, негодный и больной муж, ни семьи настоящей, ни детей... Она бы вытерпела все! Но рядом оказалась Машка! Красивая, умная, обаятельная, живущая так, как хотелось самой королеве. И зависть разыгралась так...

Да за меньшее ненавидят и убивают!

Одна из камеристок Марии-Луизы писала своему дяде, тот пересылал письма племяннику, и уже племянник отдавал их Людовику-младшему. А тот распорядился...

В итоге Мария спать теперь не ложится без пистолета под подушкой, детей от себя не отпускает, хоть покушений больше и не было. Дон Хуан вообще охраной весь дворец заставил. А ларчик просто открывался...

– Что ты хочешь с ним сделать?

– С Людовиком? Убить.

– Людовик-солнце нам этого не спустит.

– Если узнает.

– Соня, это громадный риск.

– Да, я знаю. Ты даешь добро на адекватный ответ?

– Да. Но не рискуй лишний раз.

– Братик, если бы мы узнали и ударили сразу – да, Людовик мог бы заподозрить неладное. Но сейчас, чуть ли не два года спустя... Я постараюсь сделать так, что подозрение падет на гугенотов.

– Да, еще и эти...

Последние остатки мятежей давались Людовиком по всей Франции. Гугенотов было не так много, чтобы доставить королю серьезные неприятности, но несколько относительно спокойных лет у Европы получились. К тому же самые умные успели за это время перевести капиталы и производства за границу, нанеся при этом мощный удар по экономике Фран-

ции, а кое-кто и удрал поближе к своим деньгам. На Русь – в том числе. Так что скоро уже должны были открыться первые мануфактуры.

Софья довольно потирала руки. Пусть работают. Проживут здесь поколение, два, кто женится, кто замуж выйдет, дети при монастырях поучатся – и не таких ассимилировали! Приехали гугенотами – станут православными, были французами – обрусуют за милую душу, еще и оскорбляться будут, если их в иноземцы запишут!

– Я справлюсь.

Вот уж в чем Алексей не сомневался. Справится, еще как справится. И все же, все же...

– Если Людовик узнает – это будет война не на жизнь, а на смерть.

– Не узнает.

И Алексей поверил сестре. Пусть никто не узнает, а сто лет спустя его осудят потомки, прочитавшие в архиве о жестоком приказе, но... не оставлять же наглое покушение безнаказанным?

– А жена Карлоса? – для проформы уточнил он, не сомневаясь, что если Софья уничтожит Людовика, то уж подстрекательницу – тем более. Ан нет. Царевна покачала головой.

– Он ее любит.

– И что?

На губах Софьи возникла ехидная улыбка.

– Братец, она *уже* наказана! Куда еще-то?

Алексей подумал о жизни Марии-Луизы – и согласился. Пожалуй, что и верно. Больше – некуда.

– Ладно. Даю добро. Действуй.

Софья чуть улыбнулась. Ни к чему брату знать, что акция уже готовится. Он здесь главный, а она будет просто исполнять его распоряжения. И не будет она подсылать никаких наемников с кинжалами, вот еще! Ядом обойдется!

* * *

Луиза Амалия шла по коридору, умело покачивая бедрами. Личная и любимая фрейлина ее величества королевы Испании пребывала в прекрасном настроении. Молодость, красота, милость королевы и знатный идадьго в женихах... Что нужно для счастья? Живи и радуйся. Но вот первого ей сделать и не дали.

От стены отделилась такая же женская тень.

Это в кино человек может увидеть своего убийцу, начать орать, сопротивляться... А в жизни, если операция подготовлена правильно, – так не бывает. Кинжал вонзился Луизе под левую лопатку, безошибочно нашарив сердце. Женщина осела на пол, даже не захрипев. Чисто сработано. Шум? Тревога? Это когда работают непрофессионалы, а из рук царевны таких не выходило. Тем более – в заграничные командировки.

Выдергивать оружие труда убийца не стала. Мило улыбнулась – и отправилась дальше по тому же коридору. Ну кто заподозрит одну фрейлину в убийстве другой? Тем более таком циничном и жестоком убийстве? Это работа для итальянских брави, а не для хрупкой русской дворянки.

А ты не пиши писем... дяде.

* * *

Карл Одиннадцатый довольными глазами смотрел на мать.

– Ну что ж, все готово для наступления.

– Наконец-то! С чего мы начнем?

- С моря, мама. Одержим победу на море – и сможем продолжать на суше.
- Эти наглые русские!

Гедвига шипела не зря. За прошедшее время русские оч-чень неплохо укрепились на всем завоеванном пространстве. Настроили крепостей, завезли оружие, поставили свои гарнизоны, лихо проредили шпионов... Да что там! Эти негодяи даже церкви свои понаставили и теперь смущали добропорядочных лютеран и протестантов своей православной схизмой. И ведь соблазнялись отдельные нестойкие личности! И было тех личностей куда как больше, чем хотелось бы добрым пасторам.

Отвратительно!

Даже попытки взбунтовать народ ничего не дали. Бунты подавлялись жестоко, быстро и кроваво. Выжившие ссылались куда-то далеко, на север, в какую-то Сибирь⁶, которую Гедвига даже не представляла, а на освободившееся место заселялись русские люди. И уж эти-то служили своей короне не за страх, а за совесть. Такими темпами скоро на завоеванных землях и шведов не останется.

Шведам приходилось терпеть и смиряться. Единственное, где они могли поспорить с Русью, – это на море. А с датчанами можно поговорить и на суше. Но кроме этого...

- Яков умирает. Ты не хочешь предложить шотландцам своего второго ребенка?

Первый сын у Карла таки появился. Тоже Карл, только Двенадцатый по порядковому номеру. Слабый и хилый мальчик неотлучно находился при матери, которая по такому поводу даже прекратила грызться со свекровью. Не до старухи, сын бы выжил! И сейчас ее величество Мария Шведская опять была в тягости.

- Пожалуй, что стоит. От той девки он никого не прижил, так что...
- Думаю, ему недолго осталось.

Карл молитвенно возвел глаза к небу.

– Что ж, попробуем. И тогда подождем с наступлением. У Англии хороший флот, нам он окажется не лишним...

Гедвига посмотрела на сына. Ну что еще надо? Красавец, умница, талантливый полководец... чудо! Еще бы внук в него пошел, а не в дуру невестку...

* * *

Людовик Великий дофин... Ну что тут скажешь?

Тень отца. Но в то же время тень достаточно умная и храбрая. Тень образованная, любящая искусство и охоту, отлично проявляющая себя на поле боя. Просто от Людовика Четырнадцатого так сияло, что никто другой не мог с ним сравниться. С супругой дофин особенно счастлив не был, изменяя ей если и не так откровенно, как его отец, то достаточно спокойно.

Виктория Баварская грустила, тосковала, болела и, по мнению многих, была откровенной вяленой рыбой, совершенно не способной удержать супруга.

Что бы они сами делали на месте девушки, злопыхатели не задумывались. Мало того что Людовик ее не любил, так, по разговорам, он искренне, детской любовью, любил свою кузину Марию-Луизу, ставшую нынче женой испанского короля. Или был привязан к девушке?

Впрочем, детские воспоминания – они самые крепкие. Так что ничего супруге тут не светило, проживи они вместе хоть двадцать лет. Просто изменять ей бы стали чаще.

Тот день у Людовика ничем не отличался от остальных.

С утра назначена была охота! Одно из тех занятий, которое Людовик искренне любил. Придворные кавалеры и дамы, егеря, собаки, флаги развеваются, рога трубят, кони бьют копытами... Ах, какое это красивое зрелище! Тем более что в лесу ждут несколько волков...

⁶ Конечно, Сибирь не на севере, но откуда это знать шведской королеве? Варварская страна – и все тут (*прим. авт.*).

Одного из них Людовик даже добыл собственноручно! Так что вечером Великий дофин был в замечательном и чудесном настроении.

Вечером был бал. Музыка, танцы... Дофин искренне веселился, приглашая то одну, то другую даму. А уж потом отправился в спальню. Кстати – не один. С любовницей, мадам Резен.

Вот ее-то криком и был разбужен двор. Истошным, диким, нечеловеческим. А кому понравится проснуться в одной постели с трупом? Великий дофин утра не увидел, поскольку был безнадежно мертв.

Ах, рано, рано во Франции забыли «дело о ядах», рано похоронили милые традиции родов Медичи и Борджиа. А вот на Руси ими не побрезговали, грех ведь – не перенять полезный опыт. И восточные традиции опять же...

Людовика не травили, Людовика мирно усыпили, чтобы не вздумал проснуться раньше времени и испортить убийце всю обедню. И его метресса тоже спала как сурок, а в двух шагах от нее...

Так казнили Равальяка.

Хотя...

Равальяка казнили постепенно, а Людовика – нет. Его убили одним ударом в сердце, а потом отсекали правую руку, как цареубийце Равальяку. Четвертовать его, правда, не стали, слишком грязно и долго. Да и шумно, кстати. Человека разрубить на части не так просто. Но дофину вспороли живот, вырезали сердце и разрубили оное на четыре части. Как символ.

Вот это метресса и увидела в одной кровати с собой. И орала так, что дворец сбежался. Поддержать и поорать.

Людовик Четырнадцатый был в шоке, но дознаться ничего не мог. И ничего, и никого.

Софья бы с удовольствием устроила дофину какую-нибудь пакость похлеще, вроде несчастного самоубийства шестью кинжалами сразу, с оглашением на всю Францию, но – не стоило. Людовик Четырнадцатый – это вам не абы кто.

Такую пощечину он проглотит, выбора нет. Сам понимает: мальчик его не в куколки заигрался, задумал убить женщину, мать будущего короля, да и, возможно, будущего короля Испании тоже. Вот и получил. Но хоть умер мирно, во сне.

«Король-солнце» рвал, метал, искал, подозревал, но доказать не смог ничего. А в политике без доказательств не кусают. Или кусают не сразу. Так что утерся, получил, кстати, соболезнования из Испании и стал править дальше. Хотя мадам Режан выслали из Парижа и даже из Франции – чтобы глаза безутешному отцу не мозолила.

Горе-то какое! Бедная Франция.

Следующим наследником стал его сын – также Людовик.

Герцог Бургундский⁷.

* * *

Алексей тронул поводья, и послушный конь прибавил шаг.

Выбраться сейчас за город да и пустить его в галоп! Чтобы ветер бил в лицо, чтобы сладко и остро пахло травой, чтобы небо и облака неслись с тобой в одной карусели, стирая все происшедшее.

Бешенство туманило голову, сдавливало клещами грудь, застилало глаза кровавой пеленой, требовало мести и боли. Чужой боли. Крови и смерти тех, кто поднял руку на его сестру.

⁷ В реальности Людовик Великий дофин не правил ни единого дня, равно как и его сын. Наследником Людовика Четырнадцатого – Людовиком Пятнадцатым – стал его правнук, после того, как половина семьи монарха вымерла от болезней и несчастных случаев еще при жизни «короля-солнца». Сам дофин сильно ничем не прославился, так что и его смерть на исторические процессы вряд ли повлияет (*прим. авт.*).

Пусть и свершилось уже, и кровью заплатили те, кто посмел, и время прошло, а все одно – накатывало. И приступ бешенства стискивал сердце когтистыми чугунными лапами.

Больно...

Памятно, ох как памятно было мужчине его возвращение из шведского похода. И смерть Катеньки, и отчаянные глаза Софьи, которая держалась на людях каменной статуей, а потом рыдала у него на груди, повторяя безостановочно одно и то же «прости, не уберегла, прости...». А он стоял, гладил ее по волосам и понимал, что своими бы руками...

Не просто убивал бы – медленно, мучительно, кнутом забивал до смерти, посыпая раны солью, на кол сажал, огнем жег – и рука бы не дрогнула. Потому что это – святое. Это – его семья. Тот светлый и чистый уголок детства, который есть в душе каждого человека.

У кого-то он исчезает, когда уходят родители, кто-то прощается с ним, когда рождается первый ребенок, но Алексею повезло. Его опорой была Софья, и она всегда была рядом. А если бы – ее? Если бы покушение удалось, если бы его встретила та же Катька, воя над телом Сонечки?

Да встретила бы – или нет?

А ведь единственная, кто способен удержать страну, кто не станет интриговать в свою пользу, не пожелает потянуть на себя одеяло, не станет воровать – это его сестра. Именно благодаря ей он до сих пор может воевать сам, может позволить себе не вникать в какие-то дела, может... Может оставаться человеком, а не царем. А случись что с Софьей...

Рядом с ним будут люди, будут сестры, любовницы, только вот свет погаснет, и он останется в темноте. Навсегда в темноте.

– Стой же ты, окаянная!!!

Задумавшись, Алексей и не заметил возок, расписанный красными цветами и диковинными птицами. Лошадь, запряженная в него, оказалась молодой, горячей и бестолковой, чего-то испугалась – и принялась биться, пытаясь встать на дыбы, запутывая упряжку, рядом метался кучер, пытаясь ее успокоить, но лошадь уже вошла в раж.

Что ж, это было ничем не хуже.

Алексей спрыгнул с коня, жестом останавливая охрану, и сильной рукой перехватил поводья.

– Кончай шалить, волчье мясо!

Вот теперь лошадь повиновалась.

И то сказать, государь был на голову повыше кучера, и точно – сильнее. Животное, дрожа, замерло на месте, и Алексей потрепал ее по морде.

– Хорошая девочка, хорошая...

А в следующий миг едва не ослеп. Бывает же в жизни такое... Идешь ты по улице и сто раз по ней проходил, но в этот раз тебе навстречу идет человек – и все, как удар молнии. И ты понимаешь, что ближе и дороже у тебя уже не будет.

Или раскланиваешься с гостями, и тут тебе представляют незнакомца, и вокруг все останавливается. А вы смотрите друг на друга и понимаете, что вы не просто знакомы, вы осколки одной души.

Или...

Да, и так вот бывает. С задурившей лошадью на дороге и выглянувшей из окошка девушкой.

Незнакомка была хороша, как ангел, какими их представляли художники. Громадные голубые глаза на бледном лице, словно выточенном из лучшего мрамора. Высокий лоб с выбившимися каштановыми прядками, тонкий прямой носик, алые губки, которые так и целовать бы, пока не станут темно-вишневыми, а потом и всю ее зацеловать, тонкая бледная рука, коснувшаяся занавески...

Алексей не мог сказать, что любил жену, но уважал ее, понимал, жалел, привык к ее внешности, только рядом с этой девушкой любая показалась бы уродливой, не то что Уля.

Даже Любава с ее слишком яркими красками.

Любава была эмалью по золоту, девушка – тонким фарфором с чуть намеченным рисунком, потрясающе красивой и утонченной. И она тоже замерла у своего окошка, придерживая занавесь.

Голубые глаза встретились с синими – и молния таки грянула. До боли, до искр в очах. Что бы сделал или сказал государь, он не знал и сам, но вовремя на плечо опустилась тяжелая рука.

– Государь, разрешите помочь?

Дмитрий Рытов, один из выпускников царевичевой школы, понял, что происходит. Этому их тоже учили. И поняв, решил оборвать нити прежде, чем они протянутся накрепко, вратут, оставят по себе неизбывную тоску.

Не стоило бы даже дотрагиваться до государя, никогда б себе Митя такого не позволил, разве что в учебных поединках, да и заговаривать первым... Столько всего Митя нарушил своим поступком, что хоть сам на Соловки уезжай, но... не след государю такое на людях являть. Сплетни поползут, слухи, а – нельзя. Никак нельзя.

Пусть государь хоть сказнит, а только неправильно это, когда он столбом верстовым застывает среди дороги и смотрит на девицу. Кстати, с точки зрения Дмитрия, не слишком и примечательную. Симпатичненькая, конечно, но не красавица. Так себе, слишком бледная и какая-то... не от мира сего? Словно о чем-то своем думает.

Алексей вздрогнул, словно разбуженный, вздрогнула и девушка, а в следующий миг государь сам отвернулся, хлопнул Дмитрия по плечу.

– Да. Помогите тут, чем надобно. А мы поедем, пожалуй.

Кавалькада сорвалась с места, а Дмитрий остался у возка, посмотрел еще раз на девушку, которая глядела вслед уезжавшему царю тоскливыми глазами, подумал...

Надо обязательно сказать государыне Софье.

* * *

– Любопытно. Весьма любопытно. И Алексей... заинтересовался?

– Да, царевна.

Уж сколько лет не царевна, а вовсе даже Софья Алексеевна, боярыня Морозова, ан нет! Все одно – царевна и царевна. Умирать, видимо, и то царевной будет.

– Точно не было подстроено?

– Никто не знал, что государю прогуляться захочется.

Софья кивнула, но решила-таки озадачить Ромодановского. Так спокойнее будет. А покамест стянула дорогое серебряное зарукавье, протянула Дмитрию.

– Благодарю. Возьми, не побрезгуй.

Дмитрий кивнул, поклонился в благодарность. Это не подачка, нет. Такими вещами жалуют с царского плеча. В семье такое хранится и из поколения в поколение передается, чтобы помнили. Чтобы знали.

– Что там за девушка?

– Марфа Заборовская.

Софья быстро пролистала картотеку в своем разуме – словно десятки файлов перемотались в один момент.

– Апраксина? Красота столицы русской?

– Да, государыня.

– Ах, вот оно что...

Софья прикусила губу.

Видела, видела она эту Марфу. Даже специально интересовалась. И вот беда – попалась эта зараза на глаза Алексею.

Угрозило ее...

Так получается, что сильных мужчин часто тянет к слабым женщинам, чтобы казаться рядом с ними еще сильнее. Или чтобы оберегать, защищать, реализовывать свои инстинкты хищника... Вариантов много, но в том-то и дело, что эта игра хороша до определенного предела.

Тигр может охотиться на антилопу, только вот потом ее надо сожрать, а не создать с ней семью. А если создать, то кто получится в итоге? Какими будут их дети? Рогатыми тиграми? Антилопами с полосками?

В любом случае – несуразная химера. Просто потому, что сильным мужчинам нужны сильные женщины, только от такой можно ждать сильных и умных детей. А не нежные лилии, которых придется оберегать всю жизнь. Дети-то тоже получатся лилиями. Даже если и тигровыми, зубов у таких цветов не будет. А Марфу Софья помнила.

Милая, нежная, очаровательная... липучка. Феде бы такую, не Алешке!

Будь она другой, Софья дала бы брату развлечься. Покувыркались бы месяца два, потом вышла бы Марфуша замуж да и долой из столицы и из сердца. А такие прикипают, врастают, привязываются и привязывают. Если с ней так поступить, последствия могут быть самыми непредсказуемыми, вплоть до самоубийства.

Софья еще по той жизни помнила, как влип один ее товарищ. Всякое бывает, переспали. Что ж теперь, жениться? Так эта дура работала в его компании. На заседании совета акционеров она просто подала себе кофе с мышьяком, выпила и заявила: мол, сейчас сдохнет на глазах у любимого, на его руках, чтобы помнить его глаза, чтобы он помнил... ну и прочие подобные глупости. Жаль, не знала, что мышьяк мгновенно не действует. Откачали и устроили по блату в психушку. Но опозорился товарищ на всю Россию!

А здесь куда? В монастырь?

И то, там-то девяностые, никому никакого дела не было до истеричной дуры, но сплетничали несколько лет напропалую. Мужик, наверное, на узел завязал, чтобы второй раз так не попасться, а тут нравы другие! Не то время, чтобы ходить и блудить!

Уля будет переживать по-страшному, шила в мешке не утаишь. Семья трещину даст, команда распадаться начнет, репутация царя будет подорвана. И что останется?

Проблемы, сплошные проблемы...

Надо переговорить с Алексеем, посмотрим, что он скажет.

Софья раздумывала, как начать этот разговор, но не пришлось – брат пришел к ней первым.

– Соня, надо посоветоваться.

* * *

В изложении Алексея история была почти такой же. Но... брат не знал, что ему делать. Хотелось, очень хотелось, но пока еще царь перебарывал в нем человека. И Софья оценила.

Коснулась рукава братика, приобняла за плечи.

– Алеша, нельзя тебе с ней. Не здесь, не сейчас, ты же понимаешь? Уля тебе никогда не простит. Не сможет... Ты столько строил свою семью, чтобы потом все потерять ради сомнительной девицы?

Алексей весь аж вскинулся – и это был плохой признак, очень плохой.

– Соня, ты не понимаешь. Она такая, она... настоящая.

Соня крепко обняла брата за плечи, удерживая здесь и сейчас, чтобы не наделал глупостей.

– Понимаю, Алешенька. Может быть, именно я и понимаю. Но – нельзя. Ты царь, своей волей ты можешь послать меня к чертям, забыть мои слова и поступить как хочешь. Можешь заткнуть меня, упрянуть Улю в монастырь, можешь привести в терем эту плаксу, приказать детям принять ее как мать... можешь?

И Алексей опустил плечи.

– Сонь... это так гадко звучит.

– Именно. А делать это – еще гаже получится. Уля тебе доверяет. А эта?

– Она такая нежная, хрупкая...

– Алешенька, ты просто влюблен. Но и дон Хуан любил нашу Любушку. И – отказался. Ради своей страны он сделал тяжкий выбор и принял свой крест. И они счастливы с Машей, насколько могут и умеют. Думаешь, с Любовью ему было бы лучше?

Алексей покачал головой.

– Соня, я не могу выбрать. Но и видеть ее не хочу. И... хочу. Что делать?

Соня взъерошила братцу волосы.

– Поезжай-ка ты с детьми и Улей в Дьяково? На пару месяцев. Или куда в паломничество? Хочешь?

– Не хочу, – отозвался Алексей, – но поеду.

– А я тут решу вопрос.

– Ты не причинишь ей вреда?

– Алешка! – Софья возмутилась уж вовсе не наигранно. – За что? За то, что она тебе понравилась? Совесть поимей!

Алексей ткнулся лицом в простое темное платье Софьи, ощущая, как тонкие пальцы с парой колец – от него да от Ивана – перебирают волосы совсем по-матерински, ласково, уютно. Да. Хорошо, что она рядом. И сможет понять, и поддержать, и помочь...

Всей правды он Софье так и не сказал. Женщина чем-то зацепила его. Было в Марфе нечто... тонкое, возвышенное, нежное. Ее хотелось поднять на руки, прижать к себе и защитить от всего мира. Унести на поляну с цветами и остаться рядом с ней навечно. Только вот...

Сейчас он безжалостно давил в себе эти мысли, рассказывая все сестре. Понимал – она сейчас встревожится, найдет Марфу и действительно займется ее судьбой. И будет у той дом, дети, супруг...

Про царя она и думать забудет. А вот Алексей сейчас отлично понимал дона Хуана. Это могла быть любовь. Могла быть страсть. И ее надо было раздавить каблуком, потому что есть Ульрика, дети, государство... Будь оно все... нет!

Не смей договаривать! Даже думать о таком не смей, Алешка!

Он – царь. И это его ярмо. И долг, и честь, и люди на него рассчитывают. Никогда он не поставит даже возможность любви выше всего этого. Так уж воспитали.

А сердце все равно иногда щемит, стоит только вспомнить грустный взгляд громадных голубых глаз.

* * *

Сердце щемило и в Дьяково, но постепенно встреча на дороге куда-то уходила, заслонялась впечатлениями из жизни. Вот смеются дети, вот Уле сплели венок из ромашек, и она в нем выглядит красавицей, потому что счастлива, а счастье красит женщину, вот царевичи в лесу нашли ежика и просят его оставить...

Голубые глаза словно померкли, отошли на задний план.

Он будет, будет еще вспоминать их, но – потом. Все потом. Он справится, он сильный. И уж тем более не волновало Алексея происходящее в Москве.

Он не знал, что на следующий же день Софья навестила дом Заборовских, потребовала к себе Марфу, выпросила у нее все, что могла, отметила ту же болячку – начальные признаки влюбленности в государя (плохо, очень плохо, надо пресекать), а спустя неделю нашла девушке жениха. Который – вот совпадение-то! – отправлялся к новому месту службы. В Крым. Подальше от Алексея! Чтобы ни ногой в столицу!

Говорят, Азов стал очень милым местом, вот там пусть и сидят! Точка!

Нельзя им этого, вовсе даже нельзя. Будь Марфа другой, но ведь эту липучку потом ничем не отдерешь. Да и Заборовские род обильный, уцепятся, никакие Милославские их не отдерут. Нет, так не пойдет. Не затем они тридцать лет работают, чтобы из-за непонятной девицы все прахом пустить! Она этого не допустит!

А боль...

Природа власти такова, что ради нее приходится рвать на куски не только чужие сердца, но и свое. Успокоятся и Марфа, и Алексей, никуда не денутся. Нет у них такого выбора. И права на любовь тоже нет. Пусть кто хочет – осуждает, а Софья выбор сделала. Да и Алексей тоже, иначе не рассказал бы ей все, не уехал. Благодарен за это не будет, и хотелось бы ему, но – нельзя.

И этим все сказано.

* * *

– Мария, милая, ты не могла бы навестить Марию-Луизу?

Маша с интересом посмотрела на супруга.

– Что случилось?

– Она уже третий день бьется в истерике.

Хм-м... это серьезно. Более чем, учитывая, что испанский двор – место своеобразное. Но если королеву не могут привести в чувство даже ее придворные дамы?!

Хотя о причинах Мария догадывалась.

– Ладно, я схожу. А что говорит Карлос?

– Племянник сам в недоумении...

Маша усмехнулась, вспоминая, как она удивлялась этому «дядя – племянник» между братьями. Потом поняла. Этикет-с...

Невежливо при живой-то королеве говорить о незаконном королевском сыне, вот и называли вежливо – племянником. Опять же, когда один брат старше другого на четверть века, отношения братскими уже не будут. А будут именно такими – опека с одной стороны и уважение с другой. Это в лучшем случае.

Маша покивала и решила сходить, навестить «племянницу». Хотя будет ли толк?

При всем внешнем обаянии, красоте и доброте, Мария-Луиза была достаточно сложным человеком. Не бывает простодушных принцесс, тем более – французских. Притворялась она виртуозно, а уж что творилось у нее в душе?

Вот и сейчас она попросту рыдала. Не кричала, не пыталась кого-то обвинить или рассказать, что ее расстроило, – рыдала. В три ручья.

Маша честно попыталась ее утешить, но как?! Как успокоить женщину, которая просто изображает слезоразлив? А из-за чего?

А неизвестно!

То ли хомячок сдох, то ли пуговица отлетела... Догадка у Маши была. Но утешать женщину, которая мечтала о ее смерти? И смерти ее детей? Мол, не страшно, что умер Людовик, все равно вы на небесах встретитесь. Так, что ли?

Неубедительно.

Так и не вышло приличного утешения.

Дон Хуан искренне расстроился. Карлоса он любил и хотел, чтобы у короля все было в порядке. А какой тут порядок? Но потом рассудил, что слез в любой женщине не больше ведра, выплачется – успокоится и вообще, истерики лучше лечить пощечинами, а не поглаживаниями... И махнул рукой.

И верно.

Спустя неделю Мария-Луиза успокоилась. Но вот прежнего огня и живости в ней не осталось. Теперь это был лишь слепок той Марии-Луизы. Оно и понятно. Насколько уж там была любовь со стороны дофина – неизвестно, но принцесса явно его любила. А может, и он тоже? Бросился ведь Людовик ей на помощь! Или это просто сработали воспоминания о счастливых детских днях? Даже если и так... Детство – важный кусочек нашей жизни. Легкий, счастливый, беззаботный, и теряя кого-то из той, счастливой поры, мы теряем часть себя. И это – больно. Очень больно.

Сочувствовала ли ей Маша?

О нет. Слишком памятливы были те секунды, когда она не знала, где спрятать детей. И думала, что умрет сама, но выиграть бы время. И все это по милости позавидовавшей чужому счастью стервозы?!

Хватит с нее и того, что не злорадствовала.

* * *

– Что случилось?

Алексей не любил, когда их работу прерывали. Он, Иван, Софья... время от времени им требовалось поработать вместе. И бояре давно уже знали: не стоит лезть в этот момент к государю. Но... Видимо, что-то такое было у Федора Ромодановского, что он рискнул царской немилостью.

– Яков умер.

Иван присвистнул. Софья потерла руки.

– Подробности?

– Все сложно. Яков умер, а его вдова бежала из страны.

Софья усмехнулась. Она лично давала Анне добро на такое решение, но...

– Подробности?

– Говорят, что короля отравили. Имена называют самые разные, а уж кто там, что там...

– Пусть сами разбираются. Главное, чтобы долго заняты были.

– Монмут счастлив. Уже сделал шотландцам предложение вассалитета, но пока его никто не оценил.

– А почему бежала вдова? – заинтересовался Иван.

– Говорят, она беременна.

– От Якова? – улыбаясь, уточнил Алексей.

Ромодановский только руками развел.

– Зачат-то ребенок точно при жизни Якова. А дальше... Все в руках божьих!

Софья тоже улыбнулась.

– Где вдова – неясно. Но в Шотландии она была бы игрушкой. А на континенте... Там возможны комбинации и варианты.

– Тебе – да вдруг неясно? – усомнился государь.

– Может быть, – Софья накрутила на палец кончик косы, – она объявится во Франции? Кто знает... Людовику надо чем-то заниматься. И если родится мальчик, и если родится девочка...

– Соня, ты – чудовище! – высказался Иван.

Но звучало это так восхищенно, что никто не поверил.

Сколько времени собачатся англичане и французы? И тут Людовику в руки сваливается – ЭТО! И, в общем-то, все правильно. В Испании без него разберутся, а вот в Англии и Шотландии...

Какой простор для комбинаций! Сколько вариантов! Например, война за шотландское наследство! С кем?

О, тут тоже хватает претендентов! Швеция, Дания, Монмут... Восхитительно! А ведь Людовик – католик, считай, ирландцы его уже полюбят, а вот протестанты – не примут. К тому же он не сам по себе придет, а как опекун *законного* короля. Последнего Стюарта! Как много интересного может получиться!

Ромодановский ушел. Алексей посмотрел ему вслед.

– Как там у него с Любовью?

– Великолепно. Душа в душу, разве что без детей. Но это им жить не мешает. У нее есть Володя с Наташей, у него жена рождает чуть ли не каждые два года – разве плохо? И никакой ревности! Человек на работе, в Кремле, все прекрасно все понимают. А чем он тут занимается между работой – его личное дело.

– И все же дона Хуана мне жаль, – вздохнул Ваня, – там была такая любовь...

Софья подошла к мужу, приобняла за плечи.

– Не стоит жалеть. Это не любовь, это страсть. Огонь, в котором сгоришь – и пепла не останется. А вырастет ли что-то на костре – бог весть. Любава не подходила Королю морей. Слишком уж она мягкая, добрая, нежная... да и воспитание у нее другое, и дон Хуан не смог бы ставить ее интересы на первое место. Знаешь, Маша сейчас пишет, что привязалась к мужу, а он – к ней, и разница в возрасте им не мешает. Можно упоенно восхищаться котенком, но, рано или поздно, тебе потребуется партнер, а не плюшевая игрушка. Любить можно разных, а вот строить будущее надо с равными тебе по силе духа, уму, характеру. Иначе потом пожалеешь.

– Как мы с тобой?

– Хотя бы. Вот у Алеши чуть иная ситуация, но Уля удачно дополняет его.

– Я воюю и делаю детей. Она их воспитывает.

Глаза Алексея затуманились. По возвращении из Дьяково он не спрашивал о Марфе, но сейчас настал момент.

– Говорят, на Москве новая красавица объявилась?

– Так это естественно. Старые замуж выходят, пока окончательно не устарели, новые появляются, – Софья пожала плечами. – Дело житейское.

– Заборовская?

– Да, и она тоже. Давно уж, пару месяцев тому...

Алексей сник и вздохнул.

– Да, это жизнь...

– Зато девушка счастлива. Говорят, замуж выходила – аж светилась от счастья.

И то сказать, супруга ей Софья подобрала хорошего. В меру доброго, неглупого и красивого. Справится.

Несбывшееся – оно только первое время жжет, потом привыкаешь. Ну и ничего серьезного между Марфой и царем не было, подумаешь, взгляд на дороге. А то, что Алексей тосковал несколько месяцев...

Так ведь государь же, не сопляк какой безмозглый. Ушел с головой в работу, отвлекся да и успокоился потихоньку. Перебесился. Уля – и та не заметила.

* * *

– Шведы скоро нападут.

– Как скоро?

Адмирал Александр Яузов, выпускник царевичевой школы и один из любимых учеников Мельина, смотрел на гонца прищуренными глазами.

– Думаю, у вас есть не больше десяти дней, прежде чем их флот окажется у Риги.

– Твою ж!

Ярость адмирала была почти физически ощутима.

– А чем вы занимались раньше?! Почему я узнаю об этом только сейчас?! Что можно успеть за десять дней?! Повеситься?!

Гонец, он же сокурник, он же шпион, он же Дмитрий Берестов, грустно усмехнулся.

– Санька, Карл тоже не дурак. Я чудом вырвался. Все порты закрыты, все отслеживается...

– Голуби?

– Соколы.

– Чер-р-рт! Десять дней?

– Я не знаю, что ты будешь делать. Но они идут.

Яузов и сам не знал, что именно делать. Но...

– Рига? Это точно?

– Да. Они хотят пройти вдоль побережья. Сначала разорят крепости, а потом за ними пойдут солдаты. Уже на галерах, не торопясь, не ожидая сопротивления...

Слова, которыми Яузов охарактеризовал шведов, в истории не сохранились. Пергамент было жалко.

– М-да, задал ты мне задачку.

Помощь придет, но когда? А драться – ему, умирать – ему. Ну и пусть.

Когда-то царевич подобрал мальчишку в придорожной канаве. Саньку отмыли, дали фамилию, обучили, устроили в жизни... Сейчас его пора отдавать долги.

Смерть? Жалко, конечно. И жену жалко, и детей... Крохи еще совсем. Но царь милостив, сколько уж народу полегло, а все одно ни вдов, ни сирот на Руси не бросают. Кого в школу пристроят, кого еще куда, вспомоществование платят за погибшего кормильца... Так! Не умирай раньше смерти, Санька! Он – справится. Обязательно справится.

Рига? Острова рядом?

Карта была неподалеку. Медленно, очень медленно на ней появлялись линии, какие-то прикидки, наброски... Шанс есть?

Да. Не у него, у Риги. У Руси. Он-то, скорее всего, тут и поляжет.

Важно ли это?

Если он заберет с собой шведский флот – нет.

На лице Саньки Яузова появилась откровенно волчья ухмылка. Он справится, еще как справится! Он уже знает – как.

* * *

– Ваше величество, прошу о милости!!!

Нельзя сказать, что Людовик растаял сразу, но... была, была у него слабость к красивым дамам. А склонившаяся перед ним женщина оказалась воздушным и неземным созданием.

Белокурые волосы, голубые глаза, шитое серебром черное платье, придающее ей вид фарфоровой куклы... И не скажешь, что беременна. Такой уж у нее вид... непорочный.

– Встаньте, сестра моя. Прошу вас...

Людовик лично подвел даму к креслу, усадил в него и даже предложил вина. Тонкие пальцы сомкнулись на прозрачной ножке бокала – и сами показались едва ли не стеклянными. Совершенство из лунного света и фарфора, иначе и не скажешь.

– Ваше величество, мой муж мертв.

Из голубых глаз выкатились две слезинки, скользнули – и пропали в складках кружевного платочка. Как и не было...

– Примите мои соболезнования, ваше величество.

Когда Людовику доложили, что его умоляет об аудиенции вдова Якова Стюарта, он сначала и не поверил. Шутки шутить изволите, она сейчас в Шотландии! Кто б ее оттуда выпустил, теряя такой ценный козырь?!

Оказалось – и спрашивать не стала. Сама сбежала, переправилась через пролив, добралась до города Парижа и заявила в дом Лувуа. А у того еще с прошлого раза холка болела, поэтому о появлении жены Якова он предпочел доложить сразу, не нарываясь.

Людовик удивился и приказал организовать тайную встречу в Лувре. И сейчас смотрел на юную женщину в черном. Выглядела она... М-да, его величество понимал английского короля. В таких влюбляются насмерть. Сочетание нежности и чувственности, хрупкости и очарования...

– Ваше величество, я умоляю вас о милости. Мой муж умер, но я жду его ребенка!

Людовик только глазами хлопнул.

Поверил? Ну... вопрос сложный. Все знали, что Яков лежит и болеет. Но все также знали, что его жена ночует рядом с мужем. По ночам из супружеской спальни изгонялись все слуги, ее величество сама ухаживала за больным, словно ангел милосердия, ее ставили в пример другим...

Могло у них один раз что-то получиться? А кто ж его теперь разберет!

В любом случае ребенок, зачатый при жизни Якова (к тому же рядом с его женой ни одного постороннего мужчины не было, разведка доносила, что ее величество буквально на шаг от мужа не отходит), станет его наследником. Если это – мальчик. А если девочка, так там все наследование сейчас по женской линии! Нет у Якова наследника-мужчины, и у Карла не было.

Вспомнив и о своей потере, Людовик на миг пригорюнился. Но у него-то уже есть внуки. Если будет девочка, возможны варианты.

Помолвка, например.

Анна де Бейль (она же Маша) изучала его величество из-под опущенных ресниц. Ну... что тут скажешь? Жестокий и коварный сукин сын! И палец ему в рот не клади – мигом в желудке обнаружишься. Но выбора-то нет! Она может вернуться домой, на Русь, и государыня ее примет. Но...

Неинтересно!

Маша уже привыкла жить на острие ножа, стала адреналиновой наркоманкой, хоть и не знала этих слов. Сталкиваясь с противником, подобным Людовику, она расцветала. И отказаться от такой игры?

Пусть ставка – ее жизнь! Но разве интересно играть на что-то другое?

Ребенок?

О, вот за ребенка она не волновалась. Ее чадушко сейчас будет нужно всем, кроме родственников. Но сколько влияния у Монмута во Франции? Или у дочек Якова? Да мало, крохи... Не им с Людовиком тягаться!

Принято думать, что каждая женщина в первую очередь – мать. Увы, Маша пока в себе ничего подобного не ощущала. Может, после родов? А пока... Пока ее грызла досада, что ребенок может испортить фигуру. Это ведь тоже оружие! А еще надо родить его здоровым,

то есть соблюсти кучу условий, которые вообще отвратительно трудно совместить со светской жизнью. А со здравым смыслом?

Дай Бог, у одной из ста женщин не сносит разум во время беременности! А остальные сильно зависят от своего тела. И вот они – скандалы, ссоры, истерики... Крестьянка может позволить себе орать на мужа! Пока по лбу не получит. А вот Маша не могла потерять контроль ни на минуту. И как тут быть?

Поневоле разозлишься.

Пока что беременность воспринималась ей как суровая необходимость, а что потом... видно будет!

– Разумеется, ваше величество, вы можете рассчитывать на мою помощь.

Машка опустила невинные (бесстыжие?) глаза.

– Простите, что я вот так, сир... Я боялась. Муж умер, я – англичанка, и своей мне для горцев никогда не стать. Но и игрушкой в руках глав шотландских кланов я быть не хочу. Я не могу рисковать самым ценным, что оставил мне муж. Не могу рисковать моим ребенком.

По итогам разговора Людовик решил поселить ее величество с немногими верными слугами в Сен-Жерменский дворец. И под рукой, и не на виду... Разумеется, деньгами он поможет, содержание из казны выделит.

Появляться при дворе?

Ах нет-нет, сир, я – вдова. Мое дело – родить ребенка и плакать о моем несчастном муже. Вы будете навещать нас? О, сир, вы ТАК великодушны!

Это был тот редкий случай в политике, когда все остались довольны. Судьба вплетала в полотно новые фигуры – и бог весть, что из этого могло получиться.

* * *

Шведские корабли шли к Риге. Да, если начинать, то оттуда. Вел их риксадмирал Отто Густав Стенбок. Ему надо будет ударить по Риге, взять город, а потом пройти вдоль побережья, разоряя русские укрепления и уничтожая их корабли.

Что ж, у него более чем достойный флот. Десять фрегатов, почти тридцать линейных кораблей, шесть бомбардирских кораблей, гребные суда – кто сможет противостоять ему?

Как оказалось – русские.

Неожиданности у Стенбока начались почти сразу же. Ну кто мог знать, что у русских так поставлена разведка? О флоте узнали как бы еще не до его выхода из гавани. И о месте назначения – тоже.

А потому...

Нет, не вышел ему навстречу флот. И не прислали вызов на честный бой – о какой чести может идти речь? Шведский флот – один из сильнейших на Балтике, а русские не настолько давно принялись осваивать Финский залив и чувствуют себя на кораблях не очень уверенно. Репутация, может, и не все, но очень многое в этом мире. Потому – только хитростью. И никак иначе.

Показалось Стенбоку, что один раз на горизонте мелькнул парус, – и все. Это уже потом оказалось, что не показалось.

Есть такое слово – диверсия. Это бывает, когда под покровом ночи несколько брандеров врезаются в середину твоего строя – и взрываются, заливая окружающие корабли жидким огнем.

Одним ударом флот лишился чуть ли не четверти кораблей и всего боевого духа сразу. Естественно, были вахтенные, но... в такой толчее? Что там можно услышать? Что увидеть? Русские использовали подлую уловку: черные корабли, черные паруса... Увидеть что-то было совершенно невозможно. И это оказалось только началом.

Русские не собирались вступать в бой, они просто применили тактику изматывания. Несколько ночей, несколько брандеров, и в итоге к Риге подошло уже шесть фрегатов, двадцать линейных, пять бомбардирских кораблей, а число гребных судов уменьшилось чуть ли не вдвое. Кстати, и за счет дезертирства!

Мерзавцы, одно слово!

Русский флот встретил врага у Риги. Даже не совсем у нее – рядом с островом Эзель. Пропускать врага к городу никто не собирался – еще не хватало! Пусть русских было не так много, всего штук десять линейных кораблей, семь фрегатов (больше собрать просто не удалось за короткий срок), ну и мелкие суда, но были же! И стоять они собирались до последнего.

Вот тут-то Стенбок и обрадовался. Сейчас он разберется с наглыми русскими тварями!

Ну-ну, не он первый, не он последний.

Все же шведы оказались в более удобной позиции. Стенбок поставил фрегаты полукругом, а шхерботы во вторую линию. И решил ударить в пролив. Сейчас он сомнет этих наглых русских, как бумагу!

У русских же было свое мнение.

Ударить никто не собирался. Корабли принялись сближаться – то есть шведские суда шли на русские. Но первые выстрелы прогремели от русских. Более дальнобойные пушки давали им преимущество, которым русские и пользовались. Стреляли много и часто.

Но шведов это не остановило. Они шли вперед и вперед. Маневрировали, уклонялись, но продолжали двигаться под безжалостным огнем противника.

Всего час – и корабли сблизилась достаточно для abordажных атак. Началась безжалостная резня. Шведов было больше, но русские стояли насмерть, стреляли, резали, кололи, шли на таран... Мелкие суда, уже на грани гибели, объятые пламенем, врезались в борта линкоров, предпочитая положить всех, но не сдаваться.

Шведский фрегат «Элефант», на борту которого находился адмирал, сцепился с одним из фрегатов. Хотелось бы помериться силами с русским адмиралом, но в битве не выбирают, кого судьба принесла, того и убиваешь. Свалка одна на всех.

И все же адмирал пока не вмешивался в драку на палубе. Отто был полностью поглощен разворачивающейся перед ним картиной. Вот ушел в морскую пучину один русский фрегат, вот второй, объятый пламенем, внезапно стронулся с места... На шведском корабле слишком поздно поняли, что собираются делать русские, – и не успели отклониться, когда корабль врезался в противника, словно таран. Прогремел взрыв.

Отто покачал головой.

Как ни крути, но русских есть за что уважать. Жизнь ничто, родина – все. Он-то видел, что с взорвавшегося корабля никто не ушел живым.

Клубы дыма застилали поле боя. И никто не заметил, как из-за острова вынырнуло несколько остроносых хищных кораблей.

Казачьи чайки?

Нет. Не то. Похоже, сильно похоже, но эти были чуть меньше, с немного другими обводами, позволяющими развивать еще большую скорость. А еще – с Андреевским стягом, который реял над каждым кораблем. Та часть флота, которую русский адмирал Язов заранее отправил в засаду.

Остров Эзель...

Он ведь не один... там есть еще и Даго, и Моон... есть где спрятаться. Была опасность не подойти вовремя, но кто не рискует?

Язов строго-настрого приказал не рисковать. Даже если увидят, что его корабль погиб, а адмирал ушел на дно со своим кораблем, – неважно! Ударить надо, когда шведы соберутся в кучу и потеряют бдительность. Все сразу они в пролив не войдут, задача русского флота – задержать их. А задача брандеров...

А это были именно они. Быстрые, хищные и, что самое приятное, – до краев набитые взрывчаткой, греческим огнем, порохом, смолой... Всем, что нашлось за те несколько дней, которые остались на подготовку. Нашлось.

И сейчас...

Моряки знали, что идут на смерть. По пять человек на каждом корабле, больше для управления и не надо. Поставить паруса, двинуться на врага...

Подходящий момент, чтобы умереть? Нет. Тот самый миг, чтобы остаться навечно в памяти потомков. Каждого, каждого Яузов знал в лицо, каждого отбирал сам, – и все шли на смерть добровольно. Семьям героев была обещана помощь, но их вело сейчас не это.

Семьям героев... Вот именно, семьям. Когда твоя семья живет в Риге, а первый удар нацелен именно туда... Что ты сделаешь, чтобы он не нашел своей цели? Государь милостив, не оставит сирот своей заботой. Русские не имели права пропустить врага к людям – они его и не пропустили.

Отто Густав слишком поздно заметил скользящие по воде хищные тени. Когда они уже были в пределах слышимости. На свободной воде брандеры и перехватили бы, и расстреляли издали, но здесь и сейчас, в безумии схватки... нет! Шансов у шведов не было.

На носу одного из кораблей стоял старый моряк и что-то кричал. Что? Риксадмирал так и не понял. А потом корабли врезались в строй врага.

Пять взрывов прогремели практически одновременно. От «Элефанта», красы и гордости шведского флота, остался только мусор на воде. Стоящие рядом корабли загорелись.

И шведы дрогнули. Есть вещи, которые были сильнее их понятия. Ну как, как можно настолько глупо и безрассудно отдавать свою жизнь?! Это же ненормально! Неправильно! Хотя все эти русские безумны...

Лишенные командования, шокированные и испуганные, шведы дрогнули. Ей-ей, эти русские... они все ненормальные! Страшно это – когда понимаешь, что враг не ценит свою жизнь. И отдаст ее с радостью, только вот в обмен на твою. Медленно-медленно над кораблями начали спускаться шведские флаги.

Правда, Александр Яузов этого уже не увидел.

Шальные пули не шадят никого, в том числе и адмиралов. Только вот русских, в отличие от шведов, это не остановило. Что им делать, и так знал каждый моряк: стоять – и драться. И не могли уйти с поля боя! А адмирал... Адмиралов может быть много. Родная земля – одна. И как защищать ее, каждый знать должен. До последней капли крови, так, чтобы ни один мерзавец на нее ногой не ступил. А кто посмеет – там и зарыть его. Вместе с ногами.

На острове Эзель Яузова и похоронили. Поставили храм, вокруг которого спустя всего-то лет десять стихийно выросла сначала деревенька, а потом и небольшой городок – Яузовка.

И поверье появилось: чтобы у адмирала была удача в битве, обязательно надо после производства в чин приехать, свечку поставить в часовне. Стоит она, сияет над морем золотыми куполами, звенит колоколами – вечная слава героям. Да не забудут потомки тех, кто отдал жизнь ради их появления на свет.

Вечная память.

1688 год

– Сын! Я поздравляю вас, ваше величество.

Машка пустила слезинку. Честно говоря, и стараться-то сильно не пришлось, так она вымоталась за время родов!

– Благодарю вас, сир. Как бы я хотела, чтобы мой несчастный муж мог увидеть малыша.

– Как вы назовете его?

– Мы с мужем обсуждали этот вопрос. Разумеется, Карл.

– Карл Стюарт. Да, Карл Третий.

Когда Людовику сообщили, что у королевы Анны начались роды, тот помчался в Сен-Жермен быстрее лани. Политика!

Мальчик был крепок, здоров и вполне симпатичен. Правда, пока неясно, на кого похож, но это – потом. Потом проглядим галерею портретов, потом найдем подходящего предка, потом скажем громкие слова о крови Стюартов. Главное – мальчик. Можно сразу поискать ему невесту, заключить помолвку, а там и шотландцам намекнуть, что есть, есть у них законный король. Да и Монмута придержать за воротник не помешает, ишь, разошелся. Католичество его в Англии не устраивает, протестантское гнездо развел! Убивать пора!

После некоторых событий у Людовика на протестантов был не зуб, а клыки в три ряда.

Людовик отечески поцеловал в лоб измученную королеву.

– Отдыхайте, мадам. Вы выполнили свой долг перед Англией.

И не удержался от чисто мужского взгляда.

Даже сейчас, измученная и с темными кругами под глазами, вдова Якова была безумно хороша. И умна, что немаловажно. Франсуазу Людовик удалил сам, с Анжеликой, увы и ах, можно было говорить только о детях и прическах, а Анна была невероятно умна. И все больше привлекала его величество.

Людовик приезжал в Сен-Жермен выпить вина с любезной хозяйкой, поболтать о том о сем – и уезжал отдохнувший и освеженный. К тому же у Анны был идеальный вкус и чутье на все прекрасное, а его величество как раз строил Версаль. Она потеряла мужа, он – сына. Он – мужчина и король, а она – вдовствующая королева и очаровательная, надо сказать, женщина...

Из этого многое могло получиться.

Сама же Мария пока просто жила и наслаждалась жизнью. Собирала информацию, передавала ее Софье – беременным женщинам не стоит активно лезть в политику. Она еще успеет наверстать упущенное.

* * *

– М-да, дети...

Алексей Алексеевич сейчас тоже в растерянности смотрел на малышню.

– Так смотря *чьи* дети, – Софья усмехалась.

Время идет, дети растут – и естественно, у них проявляются определенные склонности. За своими Софья наблюдала очень внимательно – и радовалась. Малышня имела ярко выраженные математические способности, во всяком случае, Данил и Кирилл. Оттащить их от интересной задачи было невозможно. Александру же были интереснее шахматы и шашки. Но его и развивали, как стратега. Ему придется стоять во главе государства, а потому...

Алексей не повторял ошибок других королей. Сын часто присутствовал в его рабочем кабинете, слушал споры, наблюдал, как отец выносит решения.

Учиться надо на чужих ошибках! На практике!

Ангелина радовала Ульрику своей внешностью – малышка получилась копией отца, ничего не взяв от матери. А вот кокетливости и очарования у нее на трех человек хватило бы. Замуж выдать – милое дело. Кому-то очень повезет с малышкой.

Вовсе не такой была родная Софьиная дочь. Елена предпочитала молчать, много читала, не любила играть со сверстниками. И часто задавала весьма неудобные вопросы.

Привязанность?

Вот этого у нее вовсе не было. Мать и отца она любила, братьев терпела, всех остальных... исключение делалось разве что для Александра. Софья до сих пор помнила тот разговор несколько месяцев назад.

Она как раз укладывала малышку спать, когда...

– Мам, а у тебя еще будут дети?

– Не знаю. Если Бог даст.

– А у дяди Алеши?

– Обязательно будут.

– А кто после дяди Алеши сядет на трон? Саша?

Кривить душой Софья не собиралась.

– Саша. Ты против?

– По-моему, он глуповатый.

Софья невольно фыркнула. Ага, глуповатый! Знать в своем возрасте несколько языков, читать, писать, отлично играть в стратегические игры... Просто Елена была пристрастна. Ей многое давалось намного легче, и Софья иногда жалела дочь. Родись та в двадцать первом веке – мигом бы сделала карьеру, у девчонки не голова, а сложный компьютер. Здесь же максимум, чего она достигнет, – это роли серого кардинала, как и сама Софья. Если пожелает.

– Мальчики взрослеют позже, чем девочки, это закон жизни. Это естественно...

– А после смерти дяди мы все будем зависеть от Саши?

Софья чуть рот не открыла. Но...

– Ты правильно понимаешь. Но он будет царем.

– А почему – он?

– Потому что он – первенец.

– Но другие дядины дети могут быть умнее! Или лучше...

– Понимаешь, малыш, порядок наследования определен жестко – и это правильно. Вот если бы у Саши была неизлечимая болезнь или если бы он запятнал себя бесчестным поступком – тогда его могли бы лишиться короны. Но лучше так не поступать. Помнишь, я рассказывала вам про Смутное время?

– Помню.

– Вот. Тогда погибло много людей, потому что кто-то решил, как ты. Что другие будут умнее, или лучше, или достойнее... Царь определяется Богом. А то, что можем сделать мы... Саша ведь неглупый мальчик, верно?

Дочь наморщила нос, и Софья ласково пригладила ей темные пряди волос.

– А кто-то на его месте может быть намного хуже. Вот у нас есть дядя Алеша – он хороший?

– Да!

– А если бы на его месте был дядя Федя?

– Нет!

Сказано было абсолютно искренне. Царевича Федора, который хоть и не стал пока монахом, но и в государственные дела лезть не хотел, Елена не понимала. Хотя и признавала, что на своем месте «свадебного генерал-ревизора» царевич, безусловно, полезен.

– Понимаешь?

– Да. Мам, а если бы и правда был дядя Федя?

- Я постаралась бы помочь ему, как могу и как умею.
- А ты была бы лучше на троне...
- Нет, малышка. Женщины править не должны. Только помогать правителям, потому что рано или поздно ты полюбишь, захочешь свою семью, дом, детей...
- Наверное...
- Ребенок явно сомневался, но раз мама сказала – значит, так и будет.
- А если ты будешь править – этого никогда не будет.
- А тетя Уля?
- Страной все равно правит ее муж. Но дядю Алешу готовили править с детства, а твоего мужа? Ты же за брата замуж не выйдешь, верно?
- Не выйду. Я вообще туда не хочу...
- И на троне окажется неподготовленный царь. А женщине придется выбирать между его решениями, которые могут быть вредны для страны, – и своей любовью. Помнишь, я вам рассказывала про королеву-девственницу. Такова цена за успешное правление. А ведь она хотела любить...
- Это, наверное, больно.
- Очень. Поэтому не стоит тянуться к короне. Это не награда, а ярмо. Думаешь, дяде Алеше легко?
- Нет. Ты ему помогаешь...
- А ты можешь так же помогать Саше. Если он разрешит.
- А что для этого надо сделать?
- Стать ему хорошим и верным другом. Если сможешь...
- Смогу.
- Ну-ну...
- Тот разговор, видимо, врезался в память малышке. Потому что сейчас Алексей Алексеевич наблюдал за компанией царевичей, царевен и племянников – и только головой качал. Очень четкое разделение получалось. Александр с прилипшей к нему Еленой – и Данил и Кирилл, которые вились вокруг Ангелины.
- Крутят ими малявки, как хотят!
- Они женщины, братик. И потом... да пусть крутят! Знаешь, Елена мне напоминает меня саму. Она умненькая и очень властная. Если ей такой муж, как Ванечка, не попадется, до конца дней в старых девах просидит. Вот и пусть брату помогает.
- Это ты-то властная?
- А что – незаметно?
- Брат, как и в детстве, несильно дернул сестру за косу.
- Хотела б ты, Соня, давно б сама правила. Думаешь, я не понимаю? Но ты меня любишь, а Елена – Саньку?
- Дай время.
- Было б у нас это время...
- Малышня, наконец заметив родителей, с радостным визгом повисла на ком придется, и в очередной раз Софья подумала, что это – шаг вперед и к лучшему. Вспомнила Алексея Михайловича, тихонько вздохнула...
- Эх, Тишайший... Ты своих детей тоже любил, но как-то иначе, наверное. У тебя так на шее не повисеть было, не поплакаться, не пожаловаться, не открыться. Сейчас Соня точно знала, что с любой бедой дети придут к ним. Не просить о разрешении, нет! А просто – рассказать. Довериться!
- Вот оно – то слово. Тишайший своих детей тоже любил, но вот доверия между ними никогда не было. Не понял бы, не принял, не смог...
- А они – смогли. Но что вырастет из этих зерен?

Будем воспитывать. Иначе и не скажешь.

* * *

– Мерзавцы!

Карл был в ярости – и его можно было понять. Не утешал даже второй ребенок – и тоже мальчик. Нет, вы только подумайте! Он тратит бешеные деньги, время, силы на то, чтобы добиться доверия шотландцев, а Людовик предлагает им свою кандидатуру! Законного сына последнего Стюарта! Ну и что будут делать вожди горских кланов?!

Да попросту работать на обе стороны! Датчане-то в это не лезут, сидят тихо, только колонии себе откусывают, по кусочку то здесь, то там, а вот он – полез. Мало оказалось реформ!

Хотя и реформы... м-да... Как русским удастся их проводить без народных смут?! И где они берут на это деньги?! Приказы потихоньку реформируют, какой-то табель о рангах ввели, приравнивали военные и статские чины, с налоговой системой мудрят, дороги строят... И ведь все спокойно!

Как?!

Карл не мог знать, что сейчас примерно треть разных чинов занимали уже выкормыши Алексея и царевичевой школы. Вот и проходило гладко. Знали, кто чем дышит, кто чего хочет, кого припугнуть можно, кого поддержать. Больше всего сейчас эта система напоминала паутину. Безродные дети за свое будущее готовы были кого хочешь загрызть – и грызли.

У него-то такого не было! Был риксдаг, в котором грести под себя и топить врага считалось хорошим тоном, так аристократы и действовали. Там, где Карл, образно говоря, выгребал против течения на реке с порогами, Алексей спокойно шел вброд. Дорога-то известна!

А с Шотландией! Деньги туда шли, шло оружие, а толку – ноль! Клань разделились примерно пополам и принялись воевать между собой. И хоть бы окончательно друг друга перерезали!

– Еще и этот ублюдок!

Сын Якова почему-то вызывал особое негодование. И признавать его законным Карл отказывался, что есть силы мутя воду. Папа Римский, кстати, тоже колебался, но тут не ясно, чего было больше – политики или нелюбви к Людовику. Тот-то активно поддерживал малыша и его мать, злые языки шептались, что и по ночам в том числе. Так что Анжелика де Фотанж может остаться без венценосного покровителя.

С другой стороны, зачат малыш еще при жизни отца, внешне вроде как похож, свечку над его матерью никто не держал, а что она в свое время, говорят, и с Карлом, и с Яковом...

А где свидетели? Насплетничать-то чего хочешь можно!

И все-таки наследование по мужской линии идет, чай, корона не сифилис, через баб не передастся...

Вот это Карла и бесило.

Мать, единственная, кто мог видеть сына в припадке ярости, положила ему руку на плечо.

– Милый, подумай: ты уверен, что нам нужна эта Шотландия? Кажется, свара растянется надолго...

– Уступить Людовику?!

– Ему и уступить не зазорно!

– Мам, если мы получим Шотландию, то получим и Англию. Ты сама видишь, как укрепляются русские... На море мы их переиграть не смогли, на суше – тем более не сможем. А вот если за нами будут еще и английские ресурсы... Пусть не я, пусть мой сын или внук, – мы поговорим с подлыми москвитями на равных.

Гедвига только вздохнула. Этот разговор повторялся уже не раз. С одной стороны – Карл был прав. С другой... Не оказалось бы лекарство злее болезни!

– А если предложить Людовику помолвку? Будет же у вас с Марией дочь, рано или поздно?

Карл хмыкнул. Учítывая его фавориток – скорее поздно, чем рано. Но будет, надо. Вот жена оправится от родов – и можно опять навещать ее спальню.

– Не думаю, что он на это пойдет.

– Родство дальнее...

– А выгода?

– Выгоды у нас для него нет. Ты же знаешь Людовика.

М-да, если Швеция не откусит этот кусок – рассчитывать ей не на что. С одной стороны давят датчане, с другой – русские, и связываться с этими мерзавцами никто не хочет! Язовым детей пугают! Так-то...

Оставалось ждать и интриговать.

1690 год

Софья отложила перо. Потянулась от всей души.

А хорошо...

Бумаг на столе не убавлялось, но настроение было радужным. Осваивается земелька-то! Осваивается! Строился и развивался Троицк в Оренбургском крае, при впадении Увельки в реку Уй, не дожидаясь г-на Неплюева, активно развивалась переселенческая программа. Крестьяне получали подъемные, командировочные, получали земельные наделы, освобождались на десять лет от налогов – и вгрызались в пашню так, что та урожай сам-трое давала!

А чтобы не тревожили земледельцев ногайцы и киргизы, башкиры и калмыки, ударными темпами строилась Уйская пограничная линия.

Так-то, Соня помнила, она строилась при Екатерине...

Даешь пятилетку на пятьдесят лет раньше?

Строились пограничные крепости, засеки, кордоны, сторожевые башни... и не стоит кривить душой, строились они не только для обороны. Софья смотрела в будущее.

Да, пока у Руси не хватит сил на экспансию, но со временем, и не с таким уж далеким, она с удовольствием сделает эту черту основой для наступления на соседние государства. Как там Пушкин писал?

*«И тунгус, ныне дикий, и друг степей калмык»?*⁸

Вот-вот. Никуда вы, товарищи, не денетесь от мягких лапок ласковой Руси. И вступите, и цивилизуетесь, и еще упрашивать будете, чтобы вас присоединили. Пока граница стоит на этой черте. А потом – кто сказал, что ее нельзя отодвинуть?

Можно!

Нужно!

Уже были построены Верхне-Уйская крепость и Степная крепость, строились Каракульская и Крутоярская... Софья, не мудрствуя лукаво, использовала те же названия, убирая лишних Петра и Павла.

Пусть заселяет народ междуречье Миасса и Уя. Пусть строятся, детишек рожают. Туда, кстати, можно и часть переселенцев из других государств отправлять.

И пусть ставят сразу каменные дома, коли получится. Понятно, что хибар поналепить легче, но и о безопасности ж думать надо! Полыхнет зимой солома или дерево, и выскочишь в чем был. А камень – хоть стены, да останутся...

Опять же, Троицк находится на одном из главных караванных путей, там и ярмарку бы организовать, а где ярмарка, там и гулянка, и пьянка (не забыть, добавить казнь похлеще за спаивание народов Севера, с-сволочи, повадятся «огненную воду» на шкурки менять, и зверя изведут, и людей), там и пожары нередки...

Лучше сразу сделать на века, потом меньше тратиться придется. Смотри сказочку про трех поросят.

Домик поросенка обязан быть крепостью! Точка!

И крепости бы хорошие ставить, но там уж как получится. Вот, Белозерская крепость стоит себе, Утяцкая слобода, Бакланская крепость... Последнюю, кстати, укрепить бы. Там же Тобол рядом, да и Поповский исток, а значит, то наводнения, то подтопления – это она, как строитель, хорошо понимала. Или вообще ее перенести? Надо сделать так, чтобы крестьяне селились без опаски, то есть провести черту от Ялуторовской до Утяцкой слободы и продолжить ее, пожалуй, на Воскресенский городок.

⁸ А. С. Пушкин, «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (прим. авт.).

Потом можно что-то и подвинуть при ненадобности, но сейчас – строить! И войска там держать в достаточном количестве. В каждом городке, в каждой крепости, в каждом остроге... Люди знать должны, что за них вступятся! И словом, и делом, и огнем, и сталью. А то что это такое? Колонизация... Людей по сотням пересчитать можно... не пойдет так! Никак не пойдет!

Софья пометила на листке выделить деньги, завтра с Ваней посоветуется. Или даже сегодня, если мальчишки еще не спят. Но скорее всего, они ее поддержат. Ване вот тяжело. Поди найди деньги на все их с Алешкой идеи!

* * *

– Сука!!!

Сейчас никто не назвал бы Анжелику де Фотанж красивой. Исказившееся лицо, оскаленные зубы, стиснутые кулачки. И верно, она фаворитка, только вот... Эта английская сука!!!

Его величество медленно, но верно склонялся к вдовствующей королеве Анне. Вот ведь... Тащить ее в постель внаглую он не мог – королева. Пусть не урожденная, но и не сельская девка. А по доброй воле...

Анна с удовольствием беседовала с королем, блистала на праздниках, очаровывала всех не только красотой, но и умом... И вот тут Анжелика проигрывала ей вчистую. Она не боялась маркизы де Ментенон – старуха! Но рядом с английской королевой чувствовала себя то неуклюжей, то глупой...

– Ненавижу!!! О, ненавижу!!!

Откричавшись и разбив несколько ваз, Анжелика попыталась подумать. Ненависть – это хорошо. Но... как же быть? Как вернуть расположение короля? Ведь все чаще он просто не обращает внимания на свою фаворитку, отворачиваются чувствующие это придворные... Забеременеть?!

Но король все реже посещает ее в последнее время!

Забеременеть от кого-нибудь другого?! Нет! Настолько глупой Анжелики не была.

Устранить соперницу?

А вот это... возможно ли? Но есть и кинжалы, и яды, и не всех отравителей извел ла Рейни, а уж избавившись от опасной королевской прихоти, она сможет вернуть себе расположение его величества!

Попадется?!

Такая мысль не приходила в очаровательную головку Анжелики. Там вообще было не слишком много места.

Приняв решение, маркиза уселась перед зеркалом и принялась поправлять краску на лице. Эта английская дрянь даже почти не красится... Так немодно! И что государь в ней нашел?!

А где можно найти яд?

* * *

– Мерзавцы и негодяи.

Леопольд Австрийский был не в духе. Хотя он в нем и не был последние лет десять, кабы не больше. Вот как турки Вену взяли – так и хрупнуло что-то, надломилось. И не починишь, не удержишь... Конечно, Вену он себе вернул. А вот Венгрию...

Эти Ракоци! Зриньи! Текели!!!

Ох, как же он ненавидел! Из его рук вырвали то, что он привык считать своим, что принадлежало еще его предкам. И возвращать не собирались. Ни на минуту.

Поляки могли защитить то, что считали своим, Леопольд сполна оценил талант Яна Собесского, когда они шли по следам турок и далее... Военный гений! Полководец от Бога! Просто сейчас он сражается на стороне Леопольда, потому что так приказал король, а потом прикажут, и будет он сражаться против Леопольда. И победит, потому что сам император – плохой полководец. Его сила в другом: в интригах. Он словно паук сплетает тончайшие нити человеческих судеб в одно ему ведомое полотно. А вот войска водить...

Но как вернуть свои территории?

Вообще, имеется один вариант. У Текели и Илоны Зриньи есть общая дочь – Жужанна. А несколько лет назад его третья жена, Элеонора, подарила ему сына, Карла.

Вот если бы они оказались помолвлены да что-то потом случилось со старшими детьми Илоны... Это могло бы стать интересным! Тут есть простор для игры.

Попробовать отписать Илоне? Или попросту выкрасть малышку?

Венгры ведут сейчас переговоры с русскими и вроде как пытаются сговорить девочку за кого-то из сыновей государя, но тот не слишком согласен...

Леопольд придвинул к себе лист. Сначала попробуем мирным путем. А потом уж можно и насильно. Да и русские...

Император был неглуп, весьма неглуп, и подозревал, что русские ко многому причастны. Доказательств не было, ну так ему и не надо.

Русские, русские...

Что можно придумать для воздействия на них? А ведь можно, еще как можно! Им хочется в Европу, хочется признания, наверняка хочется новых земель, а кто бы стал возражать? Честолюбие и жадность – вот те струны, дергая за которые можно управлять любым человеком. И почему бы не попробовать управлять с помощью того, кому сам Бог велел?

По лицу императора расплылась едкая усмешка. Второй лист пергамента лег на стол – и на бумаге разбежались строчки.

«Ваше святейшество...»⁹

* * *

– А хорошо здесь. Только вот жарко слишком.

Недавно прибывший выпускник царевичевой школы Александр обмахнулся веером. Дамская безделушка, говорите? Так ему и не кокетничать, а в жару веер весьма пригодится. Особенно когда к климату еще не привык.

– Перетерпим. Зато для Руси полезного много.

Федька, то есть уже Федор Тимофеевич, к жаре уже успел привыкнуть. Да и одет был куда как проще собеседника – в белую рубаху и белые же полотняные штаны. Может, и не роскошно, зато удобно и практично.

Остров Ява действительно славился жарким климатом. А еще – действующими вулканами. Но русские готовы были это терпеть. Зато здесь выращивался отменный кофе, а местные жители... А что – местные жители?

Если бы русские поступали с ними, как те же англичане или французы, если бы считали, что мусульманин не человек, потому что кожа у него другого цвета и он не знает про Христа, если бы принудительно насаждали свою веру и утверждали свою власть...

Так никто не поступал. Хотя исподтишка русские прекрасно срамливали между собой фанатиков-сантриев и почти что язычников-абанганов. И пользовались результатами. Но это же втихорца, а внешне русские были – само уважение. В мечети хоть и не шли, но и христианство свое не выпячивали.

⁹ «Ваше святейшество» – обращение к Папе Римскому (прим. авт.).

Пока...

Ост-Индская компания начала колонизацию острова и даже успела сильно попортить репутацию всем европейцам, но после известных событий в Нидерландах голландцы растерялись, а русские не упустили своего шанса.

Прибыв на остров, они принялись вытеснять с него голландцев. Вежливо, аккуратно, исключительно добровольно. Вы же уйдете сами, правда? Мы верим в ваше благоразумие!

И процесс этот продолжался по сей день, с участием местных фанатично-мусульманских жителей. Можно сказать, что мешали русским и фанатики, и голландцы, оставалось аккуратно стравить их – и пусть взаимоаннигилируются.

Самые непонятливые голландцы просто исчезали в море. От неизбежных на море случайностей, так-то. Шторм налетит, али пираты, али еще чего – на все Божья воля. И Он ее проявил вполне отчетливо.

Торговля у голландцев не шла, плантации, уже разбитые ими, предлагали перекупить... Одним словом, оставалось только ругаться и убираться. И ведь никто представителей Ост-Индской компании не жалел. Те еще акулы, твари хищные...

Ничего, постепенно справятся, никуда не денутся. Федька иногда думал, что под Азовом было легче. Ну что там надо было делать? Дошел, взорвал, завоевал! Красота!

А тут?

Партизанская война во всей красе! Причем с обеих сторон. И если б не было у Федора за плечами обучения в царевичевой школе, если б не побывал он в свое время в Крыму, смог бы он грамотно обороняться? Наступать? Давить конкурентов? Гонять пиратов?

Последние особо зверствовали, нападая на русские корабли, словно те медом обмазали. Приходилось и на вооружение куда как поболее тратить, и конвой снаряжать, ну да не страшно. Государь не скупился, справедливо полагая, что жизнь одного его подданного ценнее, чем десяток ружей или пуд пороха.

Может, и смог бы Федор все сам организовать, но куда как тяжелее пришлось бы. И потери были бы больше, а этого допустить никак нельзя. Свои ж люди. Православные.

Да если и не совсем свои, как те же испанцы, так что же? Они ж не виноваты, что пока истинную веру не приняли! Это батюшка Митрофан особенно объяснял когда-то мальчишкам. Все знают, что православная вера – она самая верная, правильная и честная. Но как быть, если человеку того в детстве не объяснили, да еще запутать постарались? Тащить в рай за уши?

Ох, не поможет, только озлобит больше. С врагами и то так поступать нельзя, а уж с друзьями или с теми, кто ими стать должен... Вдвое осторожнее надо быть! Показывать надо неразумным, как правильно! И жить, и верить...

– Пряности – разве много?

Александр пока еще в курс дела полностью не вошел, а потому Федя не видел ничего странного в его вопросе. Как ни читай доклады, как ни расспрашивай очевидцев, а все одно: лучше своего впечатления, на месте полученного, ничего нет.

– Да тут не только они. Каучук, например. Конечно, ждать нам еще лет десять, пока урожай достойный будет, но деревья высажены.

Александр кивнул. Да уж, каучук! И как в царевичевой школе додумались его с серой проваривать? Ох, непонятно! Но сделали. И испытания идут полным шагом. Педру дал русским разрешение и на добычу каучука в Бразилии, и на вывоз саженцев, и скоро, уже очень скоро во флот поступят непромокаемые плащи, сапоги и прочее разное, без чего обходиться можно, но нужно ли? Государю для своих людей ничего не жалко! А что самое приятное – каучука в Бразилии много и никого, кроме русских, он особо не интересуется. Вот и скупают за копейки! И становятся монополистами. Постепенно, шаг за шагом...

– А местные не пошаливают?

Федя расплылся в улыбке.

– Да как сказать... Мальчишки – они всегда есть и будут, себя-то вспомни?

Мужчины переглянулись и дружно хмыкнули, припоминая кое-какие свои подвиги во времена оные.

– И пошаливают, конечно, и стянуть чего не откажутся, и всяко бывает. Но в основном – беззлобно. Мы-то тут своими становимся, на то и упор делаем. А между своими какие счеты? Недавно вот Тимка... помнишь его? Он на год старше тебя был...

– Рыжий?

– Нет, тот, который без одного зуба.

– А, помню. Он тоже тут?

– Государь нас сюда почитай двадцать человек послал. Так вот, завязалось у него с одной девушкой из местных. Красавица – глаз не оторвать. Туда-сюда, дошло до серьезного, жениться надо. А вера-то разная! А девушка-то – дочь местного деревенского старосты, хорошо хоть из абанган... Так что ты думаешь? Два раза их венчали. Сначала им отец Питирим соизволение дал на местный обряд, они в мечеть ходили. А уж потом к нам отправились. Отпущение грехов получили, невесту окрестили Катериной – да и обвенчали их по-честному. Как у православных и полагается.

– А местные не возражали?

– Нет. Отец Питирим вообще говорит, что мусульмане хоть народ и заблудший, да за их доброту и терпимость им многое Господь простит. Потому как нет ничего хуже...

– ...злости да глупости, – продолжил Александр. И друзья весело рассмеялись. Это им в царевичевой школе повторять не уставали – и ведь давало результаты! – А я к тебе надолго, года на три-четыре, как государь повелел.

– Это хорошо. Знаешь, нас тут хоть и двадцать человек, а все мало. Так что ты у меня поедешь в султанат Бантен. Есть там такой город – Богор. Людей я дам, устроишься, представительство откроешь, торговать начнешь...

– Это как скажешь.

– Скажу. Ты в городе пока не был?

– Нет еще. Я сразу с корабля – и к тебе.

– Ну тогда я сейчас распоряжусь. Переоденешься – да поедem. Покажу тебе местных, расскажу, как к кому обращаться, кому кланяться, кому, наоборот, можно и пинка дать, на обратном пути заедem на плантации... Дел хватит. С месяц, пока не освоишься, побудешь здесь, а потом – в самостоятельное плавание.

– А переодеваться зачем?

Русские европейской моды не придерживались. Штаны, сапоги, рубаха и кафтан – удобно, аккуратно, натянуть можно в единый миг. Что еще надо? Было б чисто да без платяных зверей!

– А затем, что у тебя одежда плотновата для местной жары. Спарисься. Так что послушай более старшего и опытного.

Александр встал из кресла и отвесил глубокий поклон.

– Благодарствуйте, дяденька, за науку.

– Вот-вот.

Федор ухмыльнулся вовсе уж озорно и хлопнул в ладоши. Вошедший слуга склонился в поклоне, как-то странно, на взгляд Александра, сложив руки. Федор произнес несколько слов, слуга ответил ему на том же местном щебечущем наречии и исчез. А представитель русского государя кивнул другу.

– Иди переодевайся. Сейчас все в комнату принесут.

– Благодарствую.

Федор проводил сотоварища долгим взглядом.

Вот и еще один в их компанию. И это правильно. Чем больше их на острове будет, тем лучше. Только здесь понял Федя всю ценность полученной выучки.

Ох, не просто так их школили в царевичевой школе. Учили ведь не только наукам, но и терпимости, пониманию, как обращаться с людьми, находить свой подход к каждому...

Потому что за любой наукой, за любым делом стоят люди. И если не поставить их под свое начало – ничего не сдвинется.

Голландцы произвели на яванцев не самое хорошее впечатление. А вот русские... Дайте нам время освоиться. Уже и храмы стоят православные, пока всего два, но и то неплохо, за три-то года, и местные к русским хорошо относятся, и поработать на русских считается удачей, и султаны русских куда как больше ост-индцев жалуют. А все потому, что русские к ним относятся как к людям, а голландцы – как к источнику денег. И только-то. А кому такое понравится?

Да никому!

Подождите, развернемся... Лет через двадцать вы остров не узнаете! Это будет не просто колония, как у других государей! Это будет подлинно русская территория, жители которых сами государю Алексею Алексеевичу присягнут и под чужую руку не попросятся, еще и любого захватчика сами выгонят.

Но труда вложить придется...

Вот Сашка сейчас переоденется – и поедут они в город. Поговорят по дороге, заодно и первый урок яванского языка другу даст. Покажет местные десы¹⁰, расскажет о сословном делении...

Колонизировать новые земли надо так, чтобы люди сами к Руси тянулись. И уходить не хотели. С Божьей помощью им это обязательно удастся.

* * *

– Мне кажется, королева умирает.

Услышав это от супруга, Маша даже плечами не повела.

Ну и ей так казалось, и что? По всем признакам, у королевы был «острый живот»¹¹. Маша об этой болезни знала, но также знала, что она неизлечима.

На Руси лекари изучали эту болезнь, пытаясь найти причину, но... тут ведь резать надо! И на Руси-то через раз получалось, а тут вообще никто и ничего не умел.

– Карлос будет неутешен. Он ее так любит...

– Да уж... – Дон Хуан провел рукой по седым волосам, вздохнул: – Ты побудешь с ним, когда...

– Да, разумеется. Я сейчас же пойду к нему.

Маша могла позволить себе великодушие, тем более что наследником престола официально, с папской буллой и печатями, был назначен ее старший сын. Конечно, пока у Карлоса не появятся своих детей, ну так...

– Спасибо.

Короткий поцелуй в щеку – все, что супруги позволяли себе не за дверями спальни. И частенько Маша вспоминала сестру. Когда-то она злилась на Соню, потому что та не дала ей надеть глупостей. Смешно... Пусть между ней с мужем нет великой любви, зато есть понимание, нежность и терпение. Они – союзники, друзья, две лошади, бегущие в одной упряжке, и это неплохо. Это куда как побольше того, что могли получить в браке большинство аристократов.

– Как маленький?

¹⁰ Деревни (прим. авт.).

¹¹ Аппендицит. Есть версия, что первую аппендэктомию провели аж в 1735 году, так что... (прим. авт.).

Маша коснулась живота. Да, она решила родить еще одного – в запас. Пусть будет.

– Толкается. Ты уже написал Людовику?

– Как бы он не решил, что мы специально его племянницу извели...

Маша неаристократически хмыкнула. Извели, как же! Да хотели бы – давно бы! Карлоса пожалели, вот и вся разгадка! Он-то к этой стерве всей душой прикипел, вот и терпели... Хотя было и кому, и за что! Нет, вины русских тут нет ни краешком.

В покоях королевы было душно, сильно пахло благовониями и ладаном, Карлос сидел у постели жены и держал ее за руку. На вошедшую Марию посмотрели оба. Только вот выражение лиц было разным. У Карлоса – даже радостным, пришел человек, который его поддержит. А вот Мария-Луиза...

Убила бы! Если бы не умирала, так точно убила бы. А испанская королева и правда дожидала последние часы. Было что-то такое в ее лице: ввалившиеся глаза, покрытые белым налетом губы, резко запавшие щеки... За последние несколько лет королева растолстела мало не вдвое, но приближающаяся кончина словно сострогала все лишнее с ее лица – и наделила его юностью. Ах, как быстро и безжалостно летит время!

Маша села рядом с Карлосом, положила ему руку на плечо.

Нарушение этикета? О да, и какое! Способное повергнуть в обморок половину испанского двора. Вторая побежала бы за инквизиторами. Раньше. Еще пять лет назад. Но с тех пор многое изменилось.

Дон Хуан, наглядевшись на русские порядки, крепко прижал святошам хвост.

Аутодафе? Ведьмы? Еретики? Замечательно. Только после многократного разбора дел. И без пыток, а то так ведь и самих борцов проверить можно! Дня не пройдет – и сознаются, и расскаются! В чем угодно, не то что в ведьмовстве!

Инквизиторы шипели гадюками, но сильно не спорили. При доне Хуане страна хоть с колен подниматься начала, это все понимали. Активная торговля с Русью, взаимопомощь, колонии, которые чистили «на троих» – Русь, Испания и Португалия...

Раньше-то корабль и из порта выйти не мог – тут же пираты налетали! А денег в казне нет! А кушать хочется! Тут и начнешь бросаться на еретиков, чтобы церковное имущество увеличить.

Придворные тоже ругались, но с Машей спорить было сложно. Авторитетов для нее не было, прогнуться она ни перед кем не собиралась – вторая по значимости дама в государстве, – а заставить... А как?

Дикая московитка – и все тут! А раз дикая – поберегись, не то ведь и по морде получить можно! Мы, московиты, люди простые, у нас до сих пор медведи по улицам ходят, где уж нам этикетам обучаться? Не превзошли мы сию науку и не собираемся...

Мария-Луиза чуть шевельнула губами.

– Ваше величество, оставьте нас на пару минут, прошу вас.

Карлос с сомнением посмотрел на жену, на Машу, но раз уж просят...

Хлопнула дверь. И ненавидящий взгляд стал живым, острым, не одурманенным опиумом.

– Сука!

Отпираться Маша и не подумала.

– Я на твоих детей не охотилась.

– Нет у меня детей. И не будет уже никогда. Помру – и все.

– Я в этом не виновата.

– Да неужели?

Маша передернула плечами.

– Могу здоровьем детей поклясться – я не виновна в твоей смерти.

– А в *его*?

– Чьей?

– Луи. Моего Луи?

Умиравшему не лгут. Но... а вдруг да не умрет?

– Дофина? Нет. Я не отдавала такого приказа.

– Но знаешь, кто его отдал?

Маша склонилась пониже, глаза блеснули.

– Ты думаешь, что покушение на русскую царевну должно было сойти ему с рук?

Судя по взгляду Марии-Луизы – да! Именно так она и думала. Франция – центропуп вселенной, Людовик – «король-солнце», и этим все сказано. Его сын – тоже что-то почти божественное. В переводе – они могут делать гадости кому и сколько угодно, но ответить им не моги!

Жаль, что русские иного мнения.

– Стерва! Ненавижу тебя!

– Так своему Луи и скажешь, когда в аду увидите. Но Карлушу мне не расстраивай! Поняла?

– И что ты мне сделаешь?

– Напекаю – у тебя сестра есть. Племянники. У Луи там сын бежит... Так что никаких злобных воплей. Все исключительно пристойно. Он-то тебя любит, хотя и не ясно, за что!

– Любит! Ха! Ха! – Умиравшая то ли рассмеялась, то ли закашлялась, из глаз покатались слезы. – Любит?! Да он не знает, что это такое!

– Уж как умеет и как может, – оборвала ее Мария. – Ты мне все сказала?

– НЕНАВИЖУ!!!

Шепот был настолько искренним... За что? Да за все! За мужа, детей, здоровье, жизнь... За то, что Мария приняла решение сама, а Марию-Луизу использовали, как разменную пешку в королевской игре. За то, что одна была умна и сильна, а второй не оставалось ничего, кроме ненависти и тоски.

Больно...

Мария пожала плечами. И позвала Карлоса. Пусть побудет с женой остаток времени.

Любить он не умеет? Нет уж, простите. Это в постели у него – ноль навечно, а душа-то живая. Любящая, чистая, искренняя... И плевать в эту душу он не заслужил.

Он его и не получил. Максимум, который позволила себе Мария-Луиза, – это коротенькое:

– Никто не будет вас любить так, как любила я, сир...

И испанский двор погрузился в траур. Но новую супругу Карлосу подыскивать уже начали, а то как же! Престолонаследие обязывает!

Маша предлагала не мучить девчонок, все равно толку не будет, но тут муж был непреклонен. А вдруг?! А божественное чудо? А надежда? Нельзя ж так лишить народ Испании и Карлоса персонально уверенности в его величестве!

С точки зрения Маши, Карлосу стоило сейчас уйти в монастырь и спокойно умереть там через полгодика от горя и тоски по жене, как год назад умерла его мать. От тоски, остро связанной с пищевым отравлением поганками. Но дон Хуан на это пойти не мог. Благородство-с...

* * *

– А почему умер мой отец?

Имя «Людовик» определенно нравилось французским монархам. А то! Великий дофин – Людовик, его сын – тоже Людовик, только раньше он был герцог Бургундский, а сейчас стал дофином вместо отца. И его первенца тоже назовут Людовиком.

Традиция...¹²

Вот сейчас маленький Луи, внук великого «короля-солнца», смотрел на воспитателя – и не ответить было нельзя. Да и восемь лет мальчику, понимает уже...

– Никто не знает, мой принц. Достоверно никто ничего не знает.

– Вот как?

Мальчишка определенно разозлился.

– А если не достоверно? Что вы можете мне сказать? Это мой отец!

Мэтр Фенелон чуть помялся, но рассказывать принялся. Конечно, смерть дофина была ужасна, и Людовик-солнце рыл землю носом, пытаясь найти негодяев, но – увы. Не мог он никого найти. Не смог...

А потом поползли слухи.

Ну как – поползли... В Нидерландах – так впрямую об этом говорили, даже в газетах печатали. Якобы Великий дофин решил покуситься на испанскую принцессу. То есть жену испанского регента, русскую *царевну* Марию. И русские этого не стерпели.

Почему русские?

Дон Хуан даже не знал об этих планах мести, он оказался слишком благороден. А вот русские медведи... Кто сказал, что медведь – милое и добродушное животное? Да это одна из самых опасных и непредсказуемых тварей! И ты никогда не узнаешь, что он с тобой сделает. Удерет ли, задерет ли...

Киплинг еще не написал свое знаменитое «*Не доверяйте медведю, что ходит на двух ногах...*», но мэтр Фенелон уже предостерегал маленького Луи. Слишком уж опасны эти существа. Пусть он и маркиз, но это же не означает, что он глуп или безрассудно храбр!

– А почему мой дед не отомстил?

– Потому что известно стало не так давно. Сплетни, слухи... Это всего лишь разговоры. А достоверно ничего не известно.

– Я бы отомстил за отца.

– Месть разрушает, ваше высочество...

Только вот хоть и был маркиз де ла Мот-Фенелон хорошим учителем, хоть и написал «Приключения Телемака», которые были с восторгом восприняты обществом, а убедить ученика не смог. Никак.

Семена были посеяны. Нарочно ли? Нечаянно?

Уже неважно.

Они взойдут.

* * *

Маша, она же Анна де Бейль, она же вдовствующая английская королева, готовилась ко сну. Убрала с лица краску, распустила волосы, помассировала уставшую от пышной прически кожу головы. Анжелика просто не замечала, как красится соперница. Очень аккуратно, совсем чуть-чуть, подчеркивая то, что дано природой. И то сказать – натуральная блондинка при черных бровях и ресницах в искусственной краске нуждалась мало. Так, морщинки замаскировать, а губки подчеркнуть. И здоровее будет! Она-то видела, как с этой местной свинцовой пудрой быстро увядали женщины, как травились белилами и киноварью, как почти убивали себя... Но кто ж им расскажет? Это не занятия у царевны Софьи, где Ибрагим подробно рассказывал, какой компонент красок на что влияет, как именно, как нейтрализовать этот яд...

Ладно!

Сейчас она примет ванну и пойдет посмотреть на сына.

¹² Вот этот правнук Луи XIV и станет Людовиком XV (прим. авт.).

Нельзя сказать, что рождение ребенка вызвало у Маши острый приступ материнских чувств. Мать-ехидна, мать-авантюристка, и этим все сказано. Малыш Карл был ухожен, при-
смотрен верными людьми и уже внесен в планы французского государя. Это было важно, потому что обеспечивало малышу безопасность. Но вот инстинкта схватить кровиночку в зубы и спрятать где поглубже – этого у Маши не было. Наоборот.

Не наигралась, видимо. Недаром же говорят, что первый ребенок – последняя кукла.

Хотя с полчаса в день она малышу уделяла. Приходила, играла, гладила по головке, приносила сладости... сладости? Да, надо бы приказать служанке.

В комнату внесли деревянную ванну, лакеи принялись носить ведрами воду.

Наконец Маша осталась одна. Принимать ванну в присутствии слуг она все-таки не любила.

Горячая вода приятно обняла тело... Да уж! Зато «любимый» не моется, с ним рядом постоишь – так потом блевать охота.

Маша поморщилась. Да уж, русские дикари! А ничего, что его величество Людовик ванну принимал два раза в жизни? И воняет от него... Его обнять-то страшно, хочется сначала отко-
пать, а потом поплакать! И вот это – монарх! Да еще его милое развлечение – портить воздух при всем народе! Пфф! Да чтоб на Руси так государь-батюшка сделал?! Позорище!

А деваться некуда. Не так давно Маша получила указание от царевны. Не приказ, нет. Царевна вежливо осведомлялась, не надоела ли Марии просвещенная Европа, и, если не надо-
ела, предлагала вплотную заняться Людовиком. Есть такая штука – морганатический брак...

А в ее случае даже не очень и морганатический. Если Анна де Бейль оказалась хороша для одного короля, кто сказал, что она плоха для другого?

Но жить с Людовиком? Ложиться с ним в одну кровать? Ох-х...

Впрочем, время подумать еще было. Маша отлично понимала, что если она пожелает – царевна вытащит ее отсюда. Несчастный случай на охоте, горе, слезы, похороны, а сама Маша уже через пару месяцев окажется на Руси. Может, даже ребенка оставлять не придется, он пока еще мелкий, и подменить малыша несложно.

Можно.

Хочется?

Ведь не хотелось, еще как не хотелось! Интереснее остаться в Европе и играть дальше, запутывая кошачьей лапкой клубки интриг! А еще... Вот щелчок был бы всем этим дворянам по носу! Русская девчонка чуть ли не из сточной канавы – королева Франции! Ха!

А на Русь можно вернуться и после смерти Людовика. Ему сорок семь, ей – в два раза меньше, будем надеяться, она переживет супруга.

Маша потянулась к кофе, который ей принесли. Пару глотков – можно. Эти минуты – ее, и только ее. Крепкий черный кофе, совсем маленькая чашечка, но так приятно. Этот запах будил память о занятиях с девушками, когда Ибрагим заваривал крепкий черный кофе и начи-
нал рассказывать что-нибудь интересное из истории и нравов гаремов.

Глоток, другой, чашка вернулась на место.

Еще несколько минут блаженства. И еще пара глотков. Погадать, что ли?

Кофейная гуща вылилась на блюдечко. Маша взглядела в черные разводы – и внезапно похолодела. А откуда на дне *такой* осадок?! Женщина принялась – и чашка полетела в стену. Ее вдовствующее величество опрометью вылетело из ванны и сунуло два пальца в рот.

Кофе почти сразу вылетел назад, но не весь! К сожалению – не весь! На истошный звон колокольчика прибежали слуги и тут же заметались вокруг Маши, слушая короткие указания. Спустя четыре часа злая как черт женщина вытянулась в постели, размышляя – кто посмел?!

Кофе с мышьяком, наглость какая!

Узнает кто – голову оторвет и скажет, что так и было! Это ж надо! Два часа тошноты, промывание желудка, молоко со взбитыми яйцами на закуску (гадость жуткая, но выхода не

было) и минимум неделю теперь соблюдать особый режим питания. Маша знала, что трое доверенных слуг сейчас носятся по всему дворцу, выясняя, кто подсыпал яд, а потом дойдет и до автора затеи. И она обязательно наябедничает Людовику! Чтоб другим неповадно было!

Пусть этого негодяя казнят!

А кто-то другой мог бы и не понять. Растворили мышьяк в горячем кофе, он и так горький, запах тоже не почувствуешь, все знают, что она любит выпить чашечку вот так, в ванной... Задумано было отлично! И осуши она чашку в один прием – могла бы ничего и не понять. Но кофе начал остывать, яд выпал в осадок...

Да уж!

Без той школы, которую она прошла у царевны, без полученных знаний давно бы ее в живых-то не было. Есть за что быть благодарной.

Нет, ну кто посмел?!

* * *

– Ты почитай, почитай! Вот ведь... Папа!

Алексей перебрал сестре письмо с большой печатью. Софья послушно поймала его и развернула. Могла бы и раньше его прочесть, но не стала – все равно брат все расскажет.

– Папа... Ох ты еж твоё ж!

Удержаться было сложно.

Папа Римский в письме весьма витиевато сообщал, что Русь – государство великое, но, увы, не европейское. Потому как не знает света истинной веры. Нет-нет, он все понимает и не настаивает, чтобы русский государь срочно переходил в католичество, но ведь общий язык с другими странами искать как-то надо?

А потому не примет ли русский государь у себя папских легатов? Всего несколько человек? И исключительно на добровольной основе?

Нет-нет, никаких иезуитов, мы помним про господина Полоцкого, но вы же понимаете, в семье не без урода, его позиция никак не может отражать нашу...

Опять же, и его величество Леопольд рад был бы прислать посольство...

В наше просвещенное время, вы, как умный и великодушный государь, – ну и еще страшица такой болтовни. А по-простому поди откажи!

– А мы можем ему отказать?

Алексей явно не хотелось пускать на Русь кого попало. Хотя почему – кого попало?! Отборных шпионов и как бы не диверсантов!

Софья всерьез задумалась над этим вопросом.

– А стоит ли отказывать? Обидится...

– Нам на его обиду! – фыркнул братец.

– Это верно. Только вот... не мы к ним лезем. Они к нам. Много ли вреда они смогут нанести под приглядом?

– Так и пользы от них не будет!

– Будет, Алеша. Мы не можем замыкаться в себе. И считать, что мы избранные Богом, кичиться своей правотой – тоже. Нам надо развиваться, вращаться в другие страны, перенимать у них самое лучшее... Вот как шелк, как бумагу – ведь выделывают теперь все это у нас? Мануфактуры строятся, люди работу получают, а все почему? Потому что из Франции побежали гугеноты.

– Сонь, как ты думаешь, они только шпионы?

– Безусловно, шпионы. Но думаю, у них есть и другие причины сюда приехать. И хотелось бы их узнать.

– Ты склоняешься к тому, чтобы принять их?

– Да, Алеша. Ты против?

– Мне это не нравится.

– Мне тоже. Но и ссориться неохота. Вот если они сделают что-то, что нам не понравится...

– А они сделают?

В темных глазах Софьи промелькнула искорка.

– Как прикажет мой государь.

– Соня!

– Предлагаю согласиться, помариновать их в Архангельске (все равно у нас карантин обязателен), собрать о них все сведения и спустить с цепи Ромодановского. И принять – примем, в грязь лицом не ударим. И узнать больше того, что мы захотим, они не смогут.

– Хм-м... Почему бы нет? Тогда сядь, отпиши в Рим, а мне покажешь.

Соня кивнула.

– Как скажешь, Алеша.

Брат и сестра обменялись понимающими улыбками. Рим так Рим! И бояться тут нечего! Просто, когда понимают, что русских не сломить силой, – начинают войну иного рода. Информационную, дипломатическую... Письмо, которое лежало сейчас на столе, и было таким объявлением войны. И Софья с Алексеем принимали вызов.

Хотите принести на Русь свою культуру? Прогнуть нас под свою гребенку? Ну-ну! Мы еще посмотрим, кто выиграет в этой схватке.

* * *

Де ла Рейни мух ртом не ловил. С преступниками у него получалось куда как лучше, да и урожай был побольше. И кому, как не ему, отдал приказ его величество, узнав про покушение на свою любовницу? Да ведь не просто любовницу! Королеву Англии!

Тут политика-с...

Одно дело – травить соперницу, это все понимают, это нормально. А если тут английские корни? И отравить хотели мать английского принца? А там и самого малыша?

Гнев Людовика, умело подогреваемый иссиня-бледной Анной де Бейль, был страшен. Французские придворные жалели только о том, что они не змеи. Как хорошо бы сейчас заползти куда в щель – да и спрятаться. И не выползать месяц.

Все слуги ее вдовствующего величества были допрошены с пристрастием, кроме трех самых доверенных (с пристрастием – означало и дыбу, и пытки водой, и прочие милые радости в застенках Бастилии), и наконец сознался один из поварят. И что получил, и от кого получил. Ла Рейни подхватил ниточку и принялся рыть.

И – остановился.

Говорят же, что в жизни все повторяется дважды, но один раз трагедией, а второй – фарсом. В тот раз король пощадил мадам де Монтеспан.

А герцогиню де Фонтанж?

Вот тут – извините. И детей у нее было куда как поменьше, всего двое от короля, и надо-есть она Людовику успела хуже зубной боли. Глупа ведь... В постели хороша, но и только. И сам Людовик, скажем честно, уже не был таким сатиром, как в молодости, потихоньку снижая постельную активность и задумываясь о душе.

Приговор был жестоким и страшным. Плаха и топор.

Анжелика бросилась в ноги возлюбленному, умоляя о милости. Не получилось.

Памятно королю было дело о ядах, ой как памятно. И как шатался трон – тоже. Какое там милосердие? Зарыл бы! Собственноручно!

Повезло ли герцогине – сказать сложно, потому что ее недотравленное величество решила, что лучше быть милосердной. Немного. И тоже упала в ноги королю, прося о милосердии к дурочке. Людовик рыкнул, сверкнул глазами, топнул ногой... Потом посмотрел на иссиня-бледную интриганку и чуть смягчился. Ладно уж... пускай живет. В одном из дальних монастырей, где-нибудь в Оверни или еще где подальше.

Милосердие выходило сомнительным. Никто и не сомневался, что Анжелика де Фонтанж не проживет там слишком долго, скоростижно скончавшись от какой-нибудь чахотки или несварения желудка. Монастыри – они вообще очень вредны для опальных королевских фавориток, и мадам де Монтеспан тому пример. Но вслух все восхваляли доброго короля и милосердную вдовствующую королеву.

Анна де Бейль постепенно приобретала все большее влияние на Людовика и собиралась его использовать исключительно в своих целях. Франция? Англия?

Русь, и только Русь.

* * *

Его величество Джеймс Стюарт благосклонно взирал на жену и детей. Нельзя сказать, что он сильно любил свою Энни, но все же... Они столько лет вместе, у них четверо детей, и еще троих прибрал к себе Господь, они отлично понимают друг друга.

А женщины... Почему бы и нет? У короля могут быть фаворитки, все равно ни одна из них не встанет на место королевы.

Да, король и королева...

И до сих пор Джеймс не мог поверить в свое счастье. Пусть трон весьма зыбок, пусть казна не особенно наполнена, пусть по стране возникают мятежи, а Уэльс – это вообще осиное гнездо, но он воссел на трон своих предков. Теперь надо удержаться и передать его сыну. Получится ли?

Зыбко, все так зыбко...

Джеймс Монмут был по-житейски неглуп и понимал, что на трон его практически *возвели*. Подготовили почву, подтолкнули, а то и еще чего... Кто стоит за этим? Он не знал. Голландцы? Да, безусловно, там и их руки. Испанцы? Тоже возможно. Во всяком случае, несколько колоний у него уже откусили, а что он может сделать?! И хочет ли что-то сделать?

Честно говоря, не очень. Джеймса устраивала роль короля. И вообще – на его век хватит, а дети... разберутся, куда они денутся! О нем что-то родной отец не позаботился!

Его величество отбросил неприятную мысль в сторону и пригласил жену на танец. Энни вспыхнула и заулыбалась.

Да, фаворитка будет ждать Джеймса в спальне, но на людях... О, здесь и сейчас – он примерный семьянин! Никакой череды любовниц, как у отца с дядюшкой, никаких ценных подарков за счет казны... Титул – можно. Или замуж выдать повыгоднее. Но эти милости короне ничего не стоят. А золото или земли – нет уж! Самим мало!

Джеймс улыбался, танцевал с супругой, потом смотрел фейерверк и чувствовал себя счастливым. Видела бы мама... Но Люси Уолтер умерла, когда он был еще малышом.

Джеймс и не знал, что рядом с ним нарывом медленно зреет заговор.

* * *

– Что скажете, Чарльз?

– Что у меня не меньше прав на престол, чем у этого выскочки, Джон. Да и у вас тоже...

Кроме Монмута у Карла было еще тринадцать внебрачных детей. Признанных и произведенных им в графы и герцоги. И с точки зрения закона имеющих такое же право на престол,

как и Монмут. А почему нет? У них матери и познатнее были. Что мать-герцогиня Чарльза Леннокса, что графиня Кастлмейн у Джорджа Фицроя. И что?

Более знатные матери, более высокие титулы, должности при дворе – и все закончилось в единый миг! Когда стало ясно, что Монмут побеждает, братья собрали все маленькое и ценное, что помещалось в седельных сумках, и рванули к границе с Шотландией. И правильно сделали. Те, кто не успел, сейчас обживали Тауэр.

Казнить единокровных родственников Джеймс все-таки не мог, но всем было ясно, что Тауэр – это та же смерть. Просто чуть замедленная и отсроченная. Кто там будет проверять, скончался ли граф Плимут от болезни легких или эта чахотка разгуливала на двух ногах и подливала яд в пищу?

Кому пожаловаться?

Только Богу в храме, но вот беда – не ответит. И гром небесный, чтобы покарать мерзавца Джеймса, не пошлет!

Вот и бежали братья туда, где их не должны были выдать. В Шотландское Нагорье.

Но и там... А кому они были там нужны? Ладно еще Яков! При нем они были племянниками, о них как-то заботились, их ценили... а потом?

У шотландцев полно своих проблем. После побега королевы Анны, да еще с ребенком Якова под сердцем, горцы просто кипели, что тот ведьмин котел. Настроения различались от «как она могла, мерзавка?!» до «и поделом вам, а то размечтались...». А уж когда королева обнаружилась при французском дворе...

Это давало простор для комбинаций и предположений. В том числе были и лэрды, которые хотели послать к Людовику посольство и умолять его вмешаться. Свергнуть мерзавца Монмута и посадить малыша Карла (имя ребенка чуть примирило шотландцев с побегом его матери) на трон его предков. Чарльз и Джон к этой группе не принадлежали. Свергнуть Монмута было бы неплохо, но вот посадить на трон Карла?

Э нет. Им самим хотелось править. И если уж трон один раз был взят «на шпагу», грех не повторить это второй раз! Но надо найти помощь, деньги, наемников...

Как не предоставить шанс хорошему человеку?

* * *

– Соня, ты уверена, что нам нужна смута в Англии?

– Более чем.

Софья теребила конец косы. Сидя в кресле, чуть шурилась на яркий свет из окна, но глаз не отводила. Если царю угодно сидеть на подоконнике и вести интеллектуальную беседу с сестрой именно оттуда?

– Деньги мы найдем. – Иван был спокоен и невозмутим. – А причины все же поясни?

– Их несколько. Первая – колонии. Чем дольше смута в Англии, тем выгоднее нам. Сами знаете, Индия. Я вам рассказывала...

Рассказывала. И у мужчин давненько руки чесались. Дели, Мадрас, Бомбей... нужна ли там Англия? Да помилуйте! Ничего хорошего и толкового англичане туда не принесут. Будут уничтожать уникальную культуру, даже не понимая, что именно теряют, и хищнически выдирать из тела Индии то, что копилось столетиями.

Уже выдирают. А между прочим, там шикарные месторождения селитры. Может, они и русским пригодятся? И хлопок есть! Даешь хлопковые маечки на триста лет раньше?

Пора прекращать этот процесс и доказывать, что не все бледнолицые одинаково плохи. И не надо путать индейцев и индийцев. Хотя в данном случае – можно. Что в Индии, что в Америке Англия с ее пуританским подходом добра никому не принесла.

– Принимаю. Еще что?

– Пока Англия занята внутренними делами, она не лезет во внешние. К тому же на престол есть права у многих. У Карла Шведского с супругой, у Георга Датского – также через супругу, у сына Анны де Бейль...

– Еще б он был сыном короля, – фыркнул Алексей.

– Непринципиально. Главное, что его таковым считает Людовик и будет отстаивать права малыша. А это дело богоугодное.

– Ага, считает. С твоей легкой руки...

– С руки Анны. Кстати, вполне возможно, что малыш действительно Стюарт. Эти шотландские кланы так перероднились между собой, что родословную и представить нельзя. Кстати, Карл наплодил кучу детей, и кое-кто из них уже готовится сбросить Монмута с трона.

– А получится? – прищурился Иван.

– С нашей и Божьей помощью – вполне. Надо ли нам это? Конечно, надо! Англия тонет в смуте, под шумок распадаясь на десяток мелких островных королевств, которые будут воевать друг с другом, мы отгрызаем себе колонии, Людовик смотрит на остров вместо континента...

– Он и так смотрит только в декольте своей метрессы.

– Возможно, будущей жены, – Софья пожала плечами.

Историю она знала отвратительно, но уж «Маркизу Ангелов» и Франсуазу Скаррон, которая вышла замуж за короля, стыдно было не помнить. Почему бы Анне де Бейль и не повторить ее подвиг? К тому же Анна моложе, красивее и намного умнее. Пусть подталкивает Людовика к браку. То, что удалось одной стерве, другая всегда осилит.

– Думаешь, ей удастся? – глаза Алексея загорелись веселыми искорками.

– Я бы не стала отрицать такую возможность.

– И чьи интересы будет продвигать королева Франции?

– Разумеется, свои. Ну и наши... немножко.

Софья уже раздумывала над этой ситуацией и пришла к выводу, что ей выгодно продолжение политики Ментенон. Пусть Анна тоже травит гугенотов. Народ они умный, крепкий, сильный, а если еще побегут в нужном направлении... В Нидерланды, например, чтобы Людовику окончательно там увязнуть, в колонии, на Русь...

Англия? Раньше – да. Но сейчас, если поджечь островок со всех восьми концов, туда ни один умный человек не поедет и семью не повезет.

– Вернемся к Англии. – Алексей решил не отвлекаться на Людовика. – Значит, помогаем англичанам. Кто там бунтовать вздумает, кстати?

– Старшие дети Карла. Герцог Ричмонд и герцог Нортумберленд.

– Оба сразу?

– Как ни странно, братья довольно-таки дружны. Что они предпримут, дорвавшись до трона, я не знаю, но посмотреть любопытно. То ли поделят территории, отдав Ричмонду Англию, а Нортумберленду Уэльс, то ли подерутся. И вообще, пусть будет с запасом. Одного убьют, второй останется...

– Думаешь, убьют?

– Тянуть руки к короне – занятие сложное и неприятное. Могут и укоротить на голову. Монмут только-только распробовал власть и отдавать ее не захочет. Пусть братцы вцепляются друг другу в глотки, пусть лорды поддерживают их... Гражданская война – самая страшная из всех.

– Жалко их...

Софья бросила взгляд на мужа. Потом встала из кресла, подошла к Ивану, который удобно устроился за письменным столом лично государя всея Руси, и чмокнула его в макушку.

– Тебе дай волю – ты всех зажалеешь. Насмерть.

– Соня!

– Ванечка, милый, мне тоже простых людей жалко. Но свою страну я люблю больше, чем чужую.

Аргумент был принят.

– После того, что вспыхнет на острове, им еще долго не до нас будет. И укрепиться успеем, и с Турцией разобратся, и Сибирь под себя поднять.

– Нас не поймут.

– Пусть осуждают. Неважно. Лишь бы жили...

И стояла перед глазами Софьи та самая гражданская война. Полыхнувшая по вине Николая Второго (чтобы ему черти в зад вилами тыкали). И брат пошел на брата, отец на сына... И кто оплатил эти развлечения?! Кто подкидывал деньги на революционеров?! Кто поставлял оружие?!

В этом мире еще не прозвучало высказывание про капитал и триста процентов прибыли, но Софья его помнила. Сама такой была когда-то. И это было страшно¹³.

Софья не оправдывала себя, нет. За то, что она уже натворила и еще натворит, ей и триста лет с вилами в зад мало будет. Но... она гадила в других странах, уничтожала людей, стравливала их между собой, подличала и сводничала не ради прибыли. Вот на деньги ей было сейчас глубоко наплевать. Ивану было интересно их зарабатывать, возиться с инвестициями и прибылями – отлично. А ей всего-навсего надо было, чтобы стояла Русь.

Сильная, красивая, с золотыми куполами церквей, в которые люди идут не грехи замазывать, а просто – помолиться, не как рабы, а как дети Божьи. С людьми, которых будут интересоваться не триста сортов помады и двести – колбасы, а далекие звезды, с теми, кто построит до них лестницу и долетит до далей Оберона¹⁴.

Неужели это не стоит ее жизни? Или жизни ее детей? И жизни, и смерти, и посмертия – пусть. Она уже согласилась, когда легла на тот алтарь.

Иногда Софья задумывалась, что же станет с теми, кто отправил ее сюда? Если они родятся другими или вообще не рождаются? Изменение ли это истории ее родного мира или просто иная ветвь на дереве вероятности?

Впрочем, неважно. Мы живем «здесь и сейчас», чтобы у наших детей было «там и потом». Вот и будем жить!

Софья блеснула глазами на брата.

– Алешка, ты одобряешь?

– Ты же знаешь, что да. Пусть будет смута в Англии, а в это время вы с испанцами и португальцами...

Алексей не договорил. Не было смысла проговаривать все в сотый раз. Все трое знали, что надо делать и как.

– Да. Меня вот Леопольд беспокоит.

– Да неужели?

– Папа Римский его любит и ценит.

Да, еще и эта... зубная боль! Бенедикт Одескальки, известный более под именем Папы Иннокентия Одиннадцатого, недавно помер, и его место занял Александр Восьмой, в миру некогда Пьетро Витто Оттобони. Но тут все было достаточно сложно. Не то что диким русским варварам – последнему чукче было ясно, что долго сей достойный человек не протянет. Ибо родился аж в десятом году и на настоящий момент насчитывал восемьдесят полновесных лет. Тут уже не белую шапку примерять, а с червячками вести философские беседы о том, где

¹³ «Нет такого преступления, на которое бы не пошел капитал ради 300 процентов прибыли». К. Маркс. А до него – Т. Дж. Даннинг (прим. авт.).

¹⁴ Ю. Визбор. «Да будет старт» (прим. авт.).

земля мягче. Просто духовенство, как обычно, не могло договориться – и копило силы для следующего рывка. А вот кто будет следующим... О, тут у Софьи имелись подозрения.

Сильнее всего мутил воду Антонио Пиньятелли дель Растрелло. Сей достойный воспитанник иезуитов был хитер, изворотлив и достаточно... нечистоплотен. А еще отметился в Италии и Польше. И принимал Русь всерьез. Очень всерьез.

Софья уже задумывалась об его устранении, но потом махнула рукой. Овчинка выделки не стоила. Одну тварь придавишь, десять других вылезет. И не факт, что лучше.

Этот хотя бы умен. Очень умен – и это его главный плюс. С ним всегда можно будет договориться ко взаимной выгоде. А еще он умеет принимать жесткие решения и не боится крови.

– Мне казалось, что положительнее он относится к французам. Людовик найдет, что предложить Риму.

– У Людовика нет выбора. Сколько он воду мутит – ему поддержка Рима нужна как воздух.

Иван смотрел в корень.

– Нам она тоже нужна. – Алексей привычно спорил с другом.

Софья кивнула.

Как ни крути, но им еще работать с Испанией. И если у кого в памяти быки и матадоры – так это зря. Сейчас Испания – это прежде всего религиозность и инквизиция. Кстати, в последней и Антонио дель Растрелло отметиться успел. Со всеми вытекающими последствиями.

Придется обложить всех папских прихвостней со всех сторон и мило улыбаться. Даже если те будут пытаться откровенно делать гадости.

А будут? Кто ж знает... Зависит от того, что посулили Папе и Людовик, и Леопольд... Вот чего им нейдет?

Хотя ответ Софья знала. Ни одному из этих монархов не нужна сильная Русь. Так что палки в колеса ставить будут.

Но вообще... позиции церкви в Испании очень сильны. И в их случае это шестьдесят процентов успеха любого дела. Раньше им не противодействовали. Если Папа будет, пусть негласно, но против русских инициатив и дружбы с Русью – считай, дело замедлится. Не остановится, нет. Но насколько ж станет тяжелее!

А если «за»... О, тут многие прикусят раздвоенные язычки. Есть ради чего прогнуться. Хотя бы немного. Или сделать вид?

Но...

– Меня беспокоит то, что вместе с папскими легатами едут и Леопольдовы слуги. Посольство...

Троица переглянулась.

М-да, рыльце у них было в пушку по самый затылок, скажем честно. Без их скромной помощи турки так и завязли бы у Вены до прихода австрийских войск. Но знает ли об этом Леопольд? И чем это может грозить?

Есть только один способ выяснить. Принять посольства и поговорить по-дипломатически. С вывертами, с поиском вторых и третьих смыслов, с...

Ох и тяжело жить на свете королю. И царю не легче.

А кому сейчас легко?

* * *

– Один – один.

Двое детей переглянулись. Тавлеи у русских правителей в покоях имелись несмотря ни на какие запреты. И научить детей играть в эту игру было делом чести. Да и мышление она хорошо развивает.

Да и польза немалая.

– Третья – решающая? – предложила девочка.

– А давай. Время еще есть?

Быстрый взгляд на песочные часы – и девочка кивнула.

– Немного. Потом надо идти на фехтование.

И столько тоски прозвучало в ее голосе...

– Ален, бросила б ты это дело? Фехтование, стрельба... Тебе вышивать надо, к замужеству готовиться!

Ответом его высочеству стало выразительное шипение и злой блеск темных глаз.

– Сашка, не нарывайся!

Двоюродные брат и сестра ладили между собой лучше всех остальных детей в своем поколении, но споров и ссор это не отменяло. И Александр мог потягать сестричку за косу, и Елена иногда, разозлившись, устраивала шкоды вроде запущенного в подушку мышонка, но – дружили. Елена хвостом таскалась за двоюродным братом, а тот вначале принимал восхищение и любовь малышки как должное, а потом... Как-то оно так получилось, что Елена стала частью его мира. Пусть небольшой, но важной. И ему было неуютно без темных глаз сестренки.

Как так?

Старожилы Кремля могли многое рассказать на эту тему. О том, как повторяется история и по этим же коридорам ходили двое детей. Светленький царевич Алексей и рядом с ним – темноволосая малышка Сонюшка.

– А если подумать?

– Не хочу я замуж. Вообще.

– Ты еще маленькая, чтобы судить. Вон, твоя мама тоже, говорят, не хотела. Но вышла же?

– Вот если такой, как папа, найдется... – На губах девочки вдруг скользнула улыбка. – Сашенька, я ведь и приглядываюсь. Вот ты ворчишь, что у меня забавы не женские, а где вас, мальчишек, еще увидишь да разглядишь? На фехтовании – в том числе. Сразу видно, кто серьезно подходит к делу, кто ленится, кто красуется, кто на что горазд...

– О как!

– Даже если потом и не пригодится, а знания я все равно приобрету. Знаешь, как мама говорит?

– Знаю. Лишние знания лишними не бывают.

Подхватив вредную поговорку от Софьи, ее поминали все жители Кремля. От поварят до царевичей.

Языки болтали, а руки действовали. И фишки уже расставить успели, и вперед двигаться...

Елена прищурилась на доску. Да, вот сейчас она пойдет в атаку и пропустит одну удачную возможность. Пусть Саша за нее ухватится. Надо дать ему возможность выиграть. Все-таки в их связке он должен быть ведущим, а она – тенью за плечом брата. Как мама и дядя. Если она хочет добиться той же власти, что и мама, братец должен быть свято уверен в своем превосходстве. Ну и пусть.

Елене решительно не хотелось быть просто женой и матерью. Не понимала она этого. Сиди в тереме, носы детям вытирай... а жить как? И когда?

Кому-то для счастья больше и не надо, чем за счетами следить да дворню гонять, а ей вот хочется. Не так, как в Европах, нет. Там, говорят, бабы до полного бесстыдства докатились, чуть ли не мужиками переодеваются да по полям скачут, амантов меняют, что те перчатки...

Неправильно это. Не по-людски.

А вот стоять за плечом у брата, как ее мама...

И Софья в последнее время отличала девочку. Давала ей читать то договора, то законы, то устав армии (хотя к чему бы последнее малышке?!), спрашивала, что Елена поняла, как бы девочка поступила, – и та старалась. Объясняла, отвечала, думала...

Все дети Софье были дороги, но старшие мальчики больше тяготели к миру цифр и науки и проводили больше времени в Университете. А вот дочь... В ней Софья видела продолжение себя. И надеялась не разочароваться. Пока Елена повторяла ее путь. Приручала брата, училась, работала над собой. А вот что будет?

Бог ведает...

* * *

В Архангельске посольство задержалось ненадолго, уже через три дня выехав в Москву. Пока не зарядили дожди, пока хороши дороги...

Да, дороги. Это было первым, что поразило кардинала Руффо, первым, о чем он напишет в своих мемуарах. Дороги, построенные по типу римских, даже лучше, потому что шире, прочнее, на них легко может разъехаться четыре телеги... Зачем?! В Европе таких не было, а здесь – вот?

На этот вопрос легко ответил тот же переводчик. Так и так, дороги строят по приказу государя Алексея Алексеевича. Именно такие. Зачем? Царю виднее. Но эти дороги обеспечивают людям работу и заработок. Бывает ведь так, что, не в силах терпеть, бежит от своей жизни человек. Или оказывается на дне жизни?

Вот таких и отправляют на строительство дорог. Кормят, поят, платят деньги – и не такую уж маленькую. После пяти лет на строительстве дорог спокойно можно купить себе домик.

Есть и другой вариант – когда человек совершил какое-либо преступление не из особо тяжких. Что его – в остроге держать? Или уродовать? Нет уж, приятель, принеси-ка пользу государству. И опять – на дорожные работы. Таким платят сущие гроши, но в течение установленного срока они все равно получают деньги. А потом – на свободный выбор. Хочешь – останься, еще поработай, как вольнонаемный, хочешь – уходи. Чаще остаются. Женятся, семьями обзаводятся...

Побеги? Бунты? А зачем? Людей не притесняют, не бьют. Просто не заработал – денег не получишь.

Преступники? Ну, действительно опасных туда не направляют, а всякая шелупонь на серьезное сопротивление не способна. Опять же, трактыры...

Второе, что поразило кардинала, – трактыры. Бывал он в таких в Европе. Грязь, мыши, крысы, тараканы, солома несвежая под ногами валяется, а чем кормят... Ей-ей, иногда начинаешь верить в печальную судьбу пропавших путников.

Те трактыры, которые стояли вдоль государственной дороги, были совершенно иными. Золотистые срубы с добротной покрытой крышей, яркие вывески, а внутри!

Кардинал был неглуп и понимал, что телесная чистота не обязательно от дьявола, но чтобы вот так?

Скобленные дощатые полы, чистая, пальцем проведи – заскрипит, посуда, добела оттертые столешницы и даже салфетки! Салфетки!!! Коих иногда и у баронов победнее на столах не было!

Кардинал специально просил останавливаться то в одном трактыре, то в другом, но различий нигде не было! Строились по одному приказу, по одним чертежам, доботно и аккуратно, хозяева платили налог короне, обязались содержать лошадей для государевых нужд,

кормить бесплатно гонцов (только гонцов, остальных, будь там хоть трижды боярин, могли и попросить), да и сами хозяева...

С одним кардинал даже умудрился побеседовать.

А дело было так. Они как раз решили остановиться пообедать. Слуга, поднесший им воду для омовения рук, случайно споткнулся, и жидкость плеснула на пол. А хозяин рывкнул на него – по-французски!

Тут же извинился перед господами за неуклюжесть деревенского дурачка, пригласил проходить и располагаться, но кардинала уже заело любопытство. И он пригласил хозяина отобедать с ними. Тот глянул на толмача – и отказываться не стал.

Звали хозяина Пьер Летелье, был он французом, причем православным, и жил на Руси уж лет двадцать. Приехал сюда еще при Алексее Михайловиче, послужить в полку, и служил честно, пулям не кланялся. Женился тут, окрестился, стал православным, даже денег прикопил. Участвовал в кампании со шведами, там и ногу потерял, хорошо хоть, чуть повыше колена. Так бы спасти попытались, да сустав раздробило.

Ногу ему отняли, и Пьер, которого на Руси быстро переименовали в Петра, задумался, как жить дальше. Воевать-то он умел, а остальное? Надолго ли сэкономленных денег хватит? Милостыню просить не хотелось, а тут в их лазарет явились ребята из государственной школы. Из Дьяково!

Вот тут кардинал и насторожился. Про этих государевых воспитанников ходило много слухов, но что они делают – не знал никто.

По словам Пьера выходило, что молодые, лет тринадцати-четырнадцати, ребята составляли списки. Имя, прозвище, где служил, за что пострадал... Расспрашивали, что делать человек далее будет... Пьера тогда тоже расспросили. Он и ответил честно, мол, служил лет уж пятнадцать как, а теперь что и делать – не ясно.

А спустя месяц к нему и пришли. И предложили поехать сюда, трактиром заведовать. Трактир этот его собственный. Сначала-то он побаивался, а потом, когда прибыл, осмотрелся, продал свое подворье да и выкупил трактир у казны. И ему с семьей тут места хватает, и тихо тут, и буянить никто не буянит – в охране-то у него такие же отставные вояки!

Пару раз шиши налететь пробовали, так им досталось, что по сию пору, небось, в остроге чешутся. Когда в трактире с десятков крепких мужиков да каждый знает, с какого конца за оружие браться... Так-то охрана здесь постоянно не живет. Тут деревенька рядом, там кое-кто из отставников уже себе и жен приглядел, уж и дети пошли. Живи да радуйся.

Продовольствие казна поставляет хорошее, цены умеренные, один раз, было, привезли ему кислое вино, так он знал, кому словечко шепнуть, – месяца не прошло, на хорошее заменили. Еще и деньги возвратили, подрядчик-де оказался вороватым. И что людям надо?

Ведь дали ж возможность заработать, так захотелось умнику не две копейки с гривенника получить, а пятак. Вот и погорел, что та свечка. А так – жить и работать можно. И хорошо жить.

Чистота?

Да, это обязательное условие государево. За грязь и свинство и оштрафовать могут. Поднимут подати в три раза, а это уж тяжело покажется. Есть список, который исполнять надобно, – вот Пьер и старается. Например, нужной домик сделал на заднем дворе, облегчаться можно только там, будь ты хоть и боярин, а за свинство и ответить можно. Тем же рублем.

Рукомойство обязательное. Чистота – раз в неделю, хочешь не хочешь, вся таверна должна быть со щелоком выскоблена. Ежели кто из государевых людей избяного зверя, таракана, увидит али крысу какую – Пьер немалый штраф заплатит. Готовить только свежее, тухлятиной людей не кормить. Коней содержать... Ну, это уж было оговорено.

Спервоначалу тяжело было, потом Пьер привык – и понял, что так-то оно лучше. В чистоте и дети меньше болеют, и животные... Да и те, кто останавливаются, мало ли что с собой

принесут. Вон, у двери веничек. Считай, сейчас сухо, а осенью-зимой кто войдет, обязательно грязь обметет, а то и сапоги обмоет, чтобы навоз не нести в дом.

Кто заглядывает? Да почитай все, кто по дороге ездит. Поначалу-то народ повздыхал о государевом начинании, приготовился пояса затянуть потуже, а потом, как поняли, что с них деньги драть не будут, да как пользу от дороги поняли... Ой, не зря государь ее такой широкой сделать приказал! Поначалу тут мало народа ездило, а сейчас в трактире только успевай поворачиваться. Пока всех обслужишь – к вечеру с ног валишься, вот и приходится деревенских нанимать.

Дворяне? Купцы?

Тут государь различий не делает. Вот, почитай месяц назад заехали в трактир трое молодчиков, выпили хорошенько, куражиться начали, к девкам приставать, за косы ловить... Девки в визг, те – за оружие, ну, пришлось успокоить. Потом оказалось, что один из них купеческий сын, так его отец приезжал со стражей, Пьеру кланялся, чтобы тот деньги принял. Пьер не отказался, сейчас вот еще пару пристроек сделает. Семья-то растет...

Да, так вот. Наказали недоросля не плетями, а рублем. Да на строительство дорог на три месяца отправили – пусть на людей посмотрит. Купец хоть и охал, а все ж на пользу то пойдет. Почему Пьеру деньги отдавал?

А кому? Кто пострадал от бестолкового сопляка, тому и деньги пошли. Все в дело... нет, в казну там тоже штраф уплачен, иначе никак. Но в таких случаях на Руси и пострадавшему платят.

Ну, в этом для кардинала ничего удивительного не было, такое встречалось. А вот то, что католик веру свою предал... Нехорошо это перед Богом. Что кардинал и высказал, думая, что Пьер смутится или как-то начнет оправдываться, но старый вояка только плечами пожал.

Православие? Так его ж никто не принуждал, он сам для себя выбрал перейти в другую веру. На Руси это дело такое: будь хоть мусульманином, только другим свою веру не навязывай. Но, конечно, на Руси к православному и доверия больше, и опять же, детей обязательно окрестить надобно, и в учение они пойдут к попу – тоже православным быть лучше, и жена у Пьера русская – так все одно к одному и сложилось. Да и един Бог. А уж как ему молиться, на то богословы есть. Пьер вот точно знает, что главное – сволочью не быть, тогда Он тебя хоть откуда услышит.

Вот это кардиналу резко не понравилось.

– Бог-то един, чадо, но предать веру родителей своих, в которой они растили тебя...

– Вот-вот, растили, – Пьер только усмехнулся. – Кюре, как сейчас помню, о громе небесном да о еретиках покричать горазд был. Особливо как напивался по выходным – так на всю округу звон шел. А чтобы реально пользу принести – этого от него не дожидаться было! Купил должность да и сидел как сыч, только что глазами хлопал¹⁵. А поп наш, батюшка Алексей, даром что православный, а по домам ходит. По субботам-воскресеньям детей счету-грамоте учит, опять же, при храме лазарет есть, крохотный совсем, да нам хватает. И случись что – позвать его можно, в ранах он разбирается. Говорит, чтобы Богу молиться – не только вера нужна. Богу и дела угодны. Патриарх так и распорядился, говорят, чтобы в церковь можно было и с телесной, и с душевной хворью прийти.

– Болезни нам Богом посланы во испытание... – мягко намекнул кардинал.

– Это верно, – Пьер кивнул. – Только вот как разобрать, что где? Батюшка рассказывал, как дьявол строил козни против Иова. Неужто помочь несчастному будет супротив воли Божьей?

¹⁵ В те времена торговля церковными должностями уже запрещалась, но так просто коррупцию из церкви было не вытравить (прим. авт.).

Для кардинала не составило бы труда ответить, но в богословский диспут имеет смысл ввязываться с равным, а не с невежественным воякой. Да и не за обедом, а потому Томазо перевел разговор на другое.

Мягко выпросил у Пьера, много ли таких, как он, делает ли государь различия между инородцами и русскими... Нет? И карает и награждает равно милостиво? Хорошо. Есть ли пути, кои закрыты для католиков, а открыты только для православных? Нет? И при царе есть советники из поляков, и воеводы есть разные, и адмирал, между прочим, француз – Павел Мельин... А в Университете – там и вообще никого о вере не спрашивают...

Кардиналу было о чем поразмыслить в дороге.

Евгению Савойскому – тоже. Он ведь хотел править. Как умудрился это все продумать русский государь?! А сделать?! Это же громадная работа! Каторжная! Кою одному человеку в жизни не потянуть!

Сопровождающие посольство ученики царевичевой школы могли бы объяснить сей феномен, который гласил: сначала вырасти себе помощников, а потом берись за дела. Тогда они тебе и удадутся.

Пусть и сейчас встречаются и местничество, и казнокрадство, и злоупотребления, но когда воспитанников царевичевой школы много, когда они повсюду, кто-нибудь обязательно да заметит. И подаст докладную государю. А там уж дело будет рассмотрено – и колесо завертится. Вот и стараются лишний раз не злоупотреблять, потому как раньше можно было откупиться, взятку дать, запугать кого, а сейчас – не знаешь и кому, и кого... Одного-то купишь, второго запугаешь, а третьего и не заметишь. И займется тобой князь Ромодановский.

Он таких любит, ох любит! В пыточном приказе.

* * *

– Ну что, нас можно поздравить?

Софья была довольна по уши. Алексей, который сидел над бумагами, посмотрел на нее с неудовольствием. Тут еще работать и работать, а сестра аж сияет. И Ванька удрал по делам! Ух!

– С чем?

– С тем, что ныне есть Анна де Бейль, королева французская.

Алексей едва мимо стула не уселся.

– Твоя девочка? То есть – наша?

– Именно. Можно сказать, карьера у нее состоялась. Не каждой удастся за свою жизнь аж с двумя королями обвенчаться.

– А вроде бы...

– Брак мorganатический, так что пышного празднества не было и не будет. И вообще пока все держится в тайне.

– Это возможно при французском дворе?

– Вряд ли. Если она уже переехала в Версаль и заняла покои неподалеку от короля – сам понимаешь, разоблачение только вопрос времени. Анна пишет, что их венчал Арле де Шанваллон в присутствии личного королевского духовника, отца де Лашеза.

– Свидетели отличные.

– Кой там свидетели! Людовик ей даже предложение сделал через отца де Лашеза! Представляешь?

Алексей помотал головой.

– Подожди. Ты хочешь сказать, что не сам его величество явился с предложением, а его духовник...

– Абсолютно верно.

– А что Анна?

- Просила передать королю, что все во Франции – в его власти. Ну и она тоже.
- А ничего, что она – вдовствующая королева Англии?
- Мужа она никогда не забудет и любить станет вечно, но жизнь-то продолжается!
- У меня нет слов.
- Их найдут французские придворные, когда поймут, как их обставили, – коварно улыбнулась Софья.
- Не отравят нашу девочку?
- Пытались. Сам знаешь, не получилось. Мы ее хорошо выучили.
- Не скромничай, Соня. Ты выучила.
- В твоей школе, на твои деньги, твоими учителями... Алеша, ты себя слышал?
- Мне бы в жизни в голову не пришло учить таким образом девушек. Так что это – твой праздник и твоя победа.

Софья широко улыбнулась.

– Наша, Алешенька! Наша!

И было от чего радоваться. Получая рычаг влияния на Людовика, Софья получала возможность влиять и на политику Европы.

Она отлично помнила, как мадам де Ментенон стала королевой. Та была допущена на заседания Государственного совета. Более того, на Совете она могла сидеть в присутствии не только министров – много их перебывало, – но и самого монарха. И Людовик к ней прислушивался.

Правда, бывали и разногласия, но в какой семье их нет?

– Анна точно с ним справится?

– Я уверена в нашей девочке.

Оставалось как-нибудь поладить с Леопольдом.

– Кстати, ты знаешь, кто к нам едет?

– Кто?

– Ваня и Белла.

Алексей расцвел улыбкой. Ваньку он любил, да и на его невесту полюбовался бы.

– Замечательно!

– Обещали к зиме быть.

– Поди, замерзнут? У нас тут не Португалия.

Софья беззаботно махнула рукой.

– Молодых любовь греет.

– Скоро свадьбу играть будем?

– Да уж через год-другой и будем. Жаль, что нам побывать не удастся.

– Тебе бы хотелось поездить по миру?

Софья тряхнула длинной косой. Вопреки всем обычаям, выйдя замуж, прическу она не меняла. Еще ей кичу носить не хватало или венец. Вы их видели? Взвешивали в руках? Такое на голову наденешь, так к вечеру к палачу кинешься. Болеть будет так, что только топора и не хватит.

Поездить по миру? Не говорить же братику, что она и ездила, и видела, и вообще... Любила когда-то Софья Романовна туризм.

– Алеша, нам это все равно недоступно. Мы к Руси цепями прикованы. Хорошо хоть ты вырвался, в Крыму побывал, в Польше, пока отец жив был, в Швеции, опять же...

– Наступит ли время, когда мы будем по всему миру ездить – и не тратить на это месяцы?

– Наступит. Только работать ради этого много придется.

– Вот уж чего русские никогда не боялись! – фыркнул Алексей.

Напугала! Работать! А то сейчас они ничего не делают, разве что семечки лузгают! Ха!

– У Феди там как дела?

– Начинает получать удовольствие от жизни. Сразу надо было его в путешествия разогнать!

– Вот даже как? – глаза Алексея смеялись.

– Если получится, может, нам его потом в Померанию определить? Западную отвоюем у шведов, восточную выкупим у Пруссии – и пусть сидит наместником? Годика через два-три в самый раз будет, как раз перебесится.

– В монахи больше не рвется??

– Даже о Юрике вспомнил, представляешь? Малыша к нему и отправили. Конечно, с хорошими воспитателями, но пусть при папаше будет. Авось забудет, как от мира бегать.

– И воспитательницами?

– Разумеется! – глаза Софьи смеялись. – С Апраксиной не получилось, так мы и других красоток для Феди найдем! Перебьются монастыри! Вот!

Алексей согласно тряхнул головой.

– Кстати, мне тут из Венгрии отписали.

– Не хочется никому опять под власть Австрии.

– Ох как не хочется.

– А мы и не отдадим. Это наше, кровное. Ферек-младший на Наталье женится – и вообще родня будет.

– Вот и давай прикинем, что сделать, чтобы не отдавать. А то уже кружат... стервятники.

Две головы, светлая и темная, склонились над листом бумаги. Пока он был белым и чистым. Потом покроется пометками, схемами, кружочками и загогулинами, которые будут понятны только троим – Алексею, Ивану и Софье. Даже если Иван не принимал участия в сегодняшнем разговоре – так и что с того? Все равно он все узнает. Глядишь, еще и советом поможет.

Алексей покосился на сестру. М-да. Надо и сыну внушить, и внукам завещать передать. Коли хочешь долго и успешно править – не плоди вокруг себя дураков. И умных людей не бойся. Главное, чтобы преданными были...

Где только таких взять?

* * *

Чем дальше двигалось посольство по Руси, тем больше изумлялись принц и кардинал.

Варвары? Да, безусловно! Но дороги! Города, в которых почти нет нищих и через которые можно проезжать, не зажимая нос! Более того, города, в которых строго запрещено выливать нечистоты на улицу и не раздаются то и дело крики: «Поберегись!!!»

За такое могли и плетей всыпать.

Кардинал поверил бы, что для них это все устроили специально, чтобы произвести впечатление, но с каждым днем его уверенность таяла, словно ложка меда в горячем вине. *Столько* – не устроишь.

А чистоплотность? А лекари?

Когда один из слуг кардинала, неловко споткнувшись на мостовой, рассадил себе ногу так, что кровь хлестала, как из зарезанной свиньи, кто оказал ему помощь?

Вмиг нашли лекаря, который – вот ведь ужас! – перед тем как приступить к работе, тщательно вымыл руки грубым мылом, а потом так же тщательно промыл рану. И только потом наложил какую-то мазь и забинтовал. Дал скатку бинтов, залитую воском, и строго-настрого приказал перед каждой перевязкой мыть руки и протирать их крепким вином.

Зачем?

Кардинал попытался расспросить толмача – и получил вежливый ответ: «Государево распоряжение».

Да и сам толмач... Кардинал уже понял, что часть их сопровождающих – государевы воспитанники, но как ни пытался их разговорить, как ни расспрашивал про Дьяково – все было бесполезно.

По изворотливости его собеседники могли дать фору всему ордену иезуитов. Очень вежливо, очень корректно, очень безразлично они отвечали на любые вопросы так, что он не мог сложить целостную картину. В крайнем случае – притворялись, что не поняли вопроса или их призывают дела, а допрашивать и давить кардинал опасался.

Странное это место – Русь.

Принцу тоже пришлось нелегко. Вначале. Потом он сошелся с боярином, который, как и сам принц, обожал охоту. И тут боярин обронил, что после охоты очень душевно в баньку сходить...

А вот про баню Евгений только что слышал. Бывать не доводилось. Боярин только головой покачал – и пообещал гостю невиданные впечатления. В первом же городе, где они останавливаются.

* * *

Для принца Евгения наступило время потрясений. Вы были в настоящей русской бане? А вот принц решился попробовать. Сначала было жарко, дурно, странно с непривычки, но потом...

Это ощущение, когда проходятся по телу веником! Когда выходишь из парной и бросаешься в холодную воду, когда делаешь глоток ледяного кваса и расслабленно возлежишь на лавке...

Сначала – странно. Но потом, на следующее утро!

Евгений чувствовал себя так хорошо, как уже давно не приходилось, наверное, с начала путешествия. И укоризненный взгляд кардинала, мол, непотребство творишь, чадо, уже не слишком его трогал. Непотребство?

Грех сладок, а человек падок! Определенно, русские знали толк в удовольствиях. Евгений подумал, что эта баня, наверное, по подобию тех самых знаменитых римских терм. Может, и римляне дураками не были?

В своем замке он обязательно устроит нечто подобное. Выпишет мастеров с Руси – и пусть работают. А как хорошо это расслабляет после охоты! Псовой, да с соколами! Ах, какое чудесное чувство!

Правда, был и минус. Или плюс?

После бани погибли жестокой смертью все платяные звери, проживающие на принце. Что блохи, что вши не перенесли тягот парной. Или снадобья, которым обильно натирались мужчины? Принц, правда, не подозревал зачем, но и не протестовал, а боярин объяснять не стал, опасаясь вызвать дипломатический скандал. И вообще, блохастый принц на Руси – это почти подрыв авторитета царствующего дома. Хватит и блохастого кардинала. Там-то все ясно: не православный – значит, сам дурак. И со вшами. Вот.

Когда зарядили дожди, посольство было уже в Москве. Им отвели подворье и попросили подождать. Как только государь сможет, так сразу и примет.

Пришлось ждать.

* * *

– Ты уверена в своем брате?

Михаил нервничал, иначе в жизни не задал бы Марфе такого вопроса. Женщина только улыбнулась.

- Любимый, мой брат никогда нас не подведет.
- И все же... Папа Римский может многое.
- Мы же схизматики, что для нас тот Папа Римский.
- Мария...

Женщина пожала плечами. Мужа она любила и ценила, Михайла тоже платил взаимностью, но иногда...

Понятное дело, что в политике друзей не бывает, но кто более выгоден русскому царю? Его шурин или какой-то там Папа, хоть бы и Римский? Да и отдавать Венгрию не хотелось.

Венгры сейчас принесли вассальную присягу Михайле, но сам по себе польский государь не удержит эту страну. Только с поддержкой русского царя. А посольство туда отправлено. И от Леопольда – тоже. Понятно же, о чем говорить станут...

Михайла нервничал. Уже усилены были караулы во дворце, тщательно проверялась вся еда – мало ли! Не застрелят, так отравят! Нервозности немало способствовали и грозные письма от Папы Римского. Впрямую в них угроз, конечно, не было, но подтекст прослеживался четко. Михайле надлежало вернуть Венгрию законному владельцу и послать войска в поддержку Леопольда. Тот собрался идти воевать турок, вот и...

Ни первого, ни второго полякам решительно не хотелось, да и не нужно было. И венгры самим пригодятся, тем более они народ благодарный и благородный, и помолвка уже заключена, так что они с Ракоци, почитай, родственники, и вообще – сдались ему те турки? Раз сунулись, получили на орехи, второй подумают.

Вопрос стоял – как сделать так, чтобы и ничего не делать, и ничего за это не было? По совету жены и с разрешения шурина Михайла сослался на русского царя, с коим у него союзный договор, и теперь сидел как на иголках. Неприятно зависеть от чужого решения, зато так безопаснее. Марфа только посмеивалась про себя. Пусть и католик, но что-то Михайла мало доверялся святости Папы Римского, справедливо подозревая, что для того свой кошелек ближе к телу, чем чужая жизнь.

А что? Папе ведь уже отпустили все грехи. Вообще все. Значит, твори что пожелаешь, ничто тебя не остановит, кроме твоей совести. Много ли ее у власть имущих?

Разумеется, к власти приходят только самые честные! И самые порядочные!

Марфа усмехнулась своим мыслям, обняла мужа и постаралась успокоить его самым старым из известных женщинам способов. На какое-то время помогло.

Далее – оставалось ждать письма от Софьи.

* * *

– Сначала примем принца, потом кардинала.

Тем более что второй просил о частной аудиенции. В составе посольства их примут обоих, а вот частным образом...

Ох, знал Алексей, что Папа Римский свою игру крутит. Но участвовать-то придется!

Кстати, Евгений Савойский ему понравился. Было видно, что человек он военный и крутить не любит.

Представ пред царские очи, Евгений поклонился, произнес все положенные по церемониалу речи и вручил государю послание от его величества императора Леопольда. Алексей Алексеевич милостиво пообещал ознакомиться и как можно скорее дать ответ.

Кардинал вручил свои верительные грамоты и также был награжден милостивой улыбкой.

Сначала они втроем, с Софьей и Иваном, прочтут письма, потом подумают, что ответить и что требуется, а потом уж пригласят заинтересованных лиц на частную аудиенцию. Не обсуждать же государственную политику, считай, при всех? Боярах, стражниках, слугах...

Это неправильно.

* * *

Илона Ракоци, сейчас уже Илона Текели, стояла на башне. Впрочем, разве важны фамилии? Это ее дети будут Ракоци и Текели, а в ее жилах навсегда будет течь только кровь древнего рода Зриньи. И видит Бог, она оказалась достойна своих предков!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.